

АЛЕКСАНДР КРЫЛАСОВ

ДНЕВНИК НАРКОЛОГА

Первая «белка»,
несостоявшийся эпилептик
и другие смешные и страшные
случаи из тридцатилетней
практики


приемный
покой



Приемный покой

Александр Крыласов

Дневник нарколога

«АСТ»

2012

Крыласов А. А.

Дневник нарколога / А. А. Крыласов — «АСТ»,
2012 — (Приемный покой)

ISBN 978-5-17-077146-2

Это одна из лучших книг серии «Приемный покой». Впервые нарколог решился рассказать о своей профессии! В России эту книгу должен прочитать каждый. Не бойтесь, больно не будет, будет смешно. Внимание! Книга оказывает отрезвляющий эффект. Книга также вышла под другим названием: «Будни нарколога».

ISBN 978-5-17-077146-2

© Крыласов А. А., 2012
© АСТ, 2012

Содержание

Забудьте все, что вы знали про алкоголизм и его лечение	6
Первая «белка» и несостоявшийся эпилептический приступ	7
Конспирация и еще раз конспирация	9
Референт-расстрел	10
Пьем мы для запаха, дури у нас и так хватает	11
Давай за них, давай за нас, давай за доблестный спецназ	12
Пусть тебе приснится Пальма-де-Мальорка	13
Скажи, а кто не пьет?	14
Муж и жена – одна сатана	15
Интересное наблюдение	17
Все мы люди, все мы человеки	18
Брат два	20
Немного о калориях	21
Отречемся от старого мира	22
Миф первый	23
Миф второй	24
Миф третий	25
Миф четвертый	26
Миф пятый	27
Миф шестой	28
Миф седьмой	29
Знание – сила, незнание – мощь	30
Москва – не Россия	31
Мифы о наркоманах	32
Ох, и дураят нашего брата	34
Запой	38
Драгоценная сумка	42
Корпоратив	46
Турникет на плаху	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Александр Аркадьевич Крыласов

Дневник нарколога

О, эта неприкаянность, охватывающая меня на ночном дежурстве, это одиночество, проникающее в каждую пору моей кожи, и желание хоть чем-то себя занять! Кто не был дежурантом, тот никогда не поймет, чем дневное отделение наркологической больницы отличается от ночного. А все просто: днем секунды бегут быстро и деловито, а ночью тянутся удручающе медленно. Я посмотрел на часы и понял, какого свалил дурака. Ожидая тяжелой ночи, выпил три чашки крепкого кофе, добавил стакан кока-колы, а все обошлось, и пациенты, загруженные препаратами, уснули непробудным сном, завалились спать и медсестры. Можно себя поздравить, во всем пятом наркологическом отделении бодрствую один я, Всеволод Андреевич Крылов, психиатр-нарколог, врач высшей категории, пятидесяти девяти лет от роду. Делать мне больше нечего: вечерний обход совершен, истории болезни написаны, телевизор отруган. Самое время покемарить, но сна нет ни в одном глазу. В моем возрасте бессонница – это уже не пустой звук, а проклятие, преследующее за давние грехи. Молодым хорошо, они легко засыпают в самых неподходящих местах и позах, видят эротические сны, в крайнем случае мечтают о будущем. А о чем прикажете мечтать мне, старому таракану, за год до пенсии? О солнечных грядках? О вредных внуках и клетчатой панаме? Видимо, придется сидеть и пялиться на стену до самого утра, не смотреть, а именно что пялиться. Впрочем, можно перебирать и выуживать из памяти забавные случаи и моменты из врачебной практики. Я вдруг почувствовал угрызения совести: проработав наркологом тридцать шесть лет, так и не смог донести до народа правду об алкоголизме, наркомании и прочих зависимостях. Нельзя сказать, что я не пытался этого сделать. Пытался. Сколько раз. Звонил по каким-то инстанциям, в годы своего расцвета тысячи раз выступал по телевидению и радио, даже написал письмо президенту. Но как-то без особого результата. Может, нашему обществу не нужна правда в этом вопросе, может, существует международный заговор против истинного положения вещей, а может, я сам действовал вяло и так и не смог довести начатое до конца. Во всяком случае, пока только я владею полной информацией по данному вопросу, неплохо бы донести ее до народных масс. Если наш человек пьет до зеленых чертей, пусть. Это, в конце-то концов, его частное дело, но каждый должен знать, почему он так делает. Я встряхнул головой, придвинул к себе лист бумаги и принялся выводить закорючки своим дошкольным почерком:

Забудьте все, что вы знали про алкоголизм и его лечение

Это самая нужная книга в России. Кому, как не наркологу, знать все думы и чаяния русского народа. Открытия, сделанные по ходу повествования, сродни открытиям Галилея. Старина Галилео первым додумался, что Земля круглая и вращается вокруг Солнца. До него предметом дискуссий было только одно: на трех китах или трех слонах покоится земной шар. Следите за ходом моей мысли, и к концу произведения я открою вам страшную тайну, после которой отношение к алкоголю у вас поменяется раз и навсегда. Поэтому книгу желательно прочитать всем пьющим и созависимым: женам и тещам, мужьям и любовникам, а также детям младшего дошкольного возраста, включая младенцев. Многие скажут: это меня не касается, я выпиваю раз в месяц и никогда не болею с похмелья. Однако и за один вечер можно начудить так, что придется потом до-о-олго шишки собирать. А что касается милых дам, с каждым годом все больше женщин лечится от алкогольной зависимости. После Нового года и майских праздников ими все стационары забиты. Еще десять лет назад на десять мужиков приходилась одна дама. Пять лет назад – семь женщин ложились под капельницу. Три года назад счет сравнился, а сейчас барышни уверенно вышли вперед, их в клиниках больше, чем кавалеров. И это не какие-нибудь «синеглазки», а самые успешные из женщин: владелицы турагентств и салонов красоты, медицинских центров и частных гимназий. Почему? Да потому что нагрузки и стрессы недетские, а снимать их чем-то нужно. И многие выбирают алкоголь. Такие женщины могут за вечер «усидеть» три-четыре бутылки шампанского, а утром пытаются руководить рабочим процессом. Да здоровущий мужик четырех «бомб» не осилит, а наши дамы запросто. Читайте про себя, леди и джентльмены, читайте, дальше будет еще интереснее.

Я вскочил со стула и принялся нарезать круги по кабинету. Начало положено, это хорошо. Но как-то уж больно официально получается, это плохо. Нужно подпустить побольше забавных случаев из практики, тем более что за тридцать шесть лет их накопилось видимо-невидимо. Я опять схватился за ручку и вывел заголовок:

Первая «белка» и несостоявшийся эпилептический приступ

После института я был распределен в главную наркологическую больницу Москвы. В первый же день меня здорово озадачили, объяснив, что на дворе август, время отпусков, поэтому придется остаться на ночное дежурство. Отделение клиники находилось в бывших общежитиях ЗИЛа. На стене висел плакат: «Пьянство – тормоз, трезвость – резерв». Глубину его и мудрость мне не удалось разгадать до сих пор. Я побродил по отделению, попил чай с медсестрами. Летняя лень сквозила в их движениях. Муха, жужжа, билась в стекло, осы атаковали вазочку с вареньем. Пациенты не стонали, не требовали врача, они усердно работали на ЗИЛе, занимаясь трудотерапией. «Лафа, – подумалось мне, – ночью посплю, весь день свободен». Часов в десять вечера поступило два пациента, мужики как мужики. Я уже вовсю писал анамнез, когда пациент вскочил на стул и стал отбиваться ногами от только ему видимых тварей. Потом он сиганул на мой стол и начал топтать свою историю болезни. «Это он зря, – расстроился я, – мне что, теперь по-новому все писать?» Мужик орал что-то нечленораздельное, лягался ногами, всем своим видом показывая, что будет биться до конца и живьем не дастся. «Белая горячка, она же делириум тремор», – без труда диагностировал я и побежал за подмогой. От медсестер толку было мало, пациенты приумножали славу ЗИЛа, поэтому основным помощником оказался второй пациент. Вдвоем мы кое-как сняли бузотера со стола, доволокли до койки, уложили на вязки. Причем я по тогдашней неопытности чуть буйного пациента не придушил. Второй все время был верным сподвижником. Наконец, взмоклие и измочаленные, мы вышли в коридор, присели на банкетку.

– Тяжелая у вас работа, – вздохнул пациент.

– Тяжелая, – охотно согласился я, прикинувшись опытным волком наркологии.

– А вообще, хорошо тут у вас, чисто.

– Чисто.

– Вот только крысы бегают.

– Бегают, – машинально кивнул я, – что?! Какие крысы? Пойдем-ка, мил человек, в палату.

– Я же вам помогал, – возмутился оскорбленный больной.

– Помогал, помогал, сейчас и мы тебе поможем.

«Вторая белая горячка», – удрученно констатировал я. Так всю ночь с двумя «белочками» и провозился.

В те годы было не принято похмелять пациентов, мол, советский врач не должен пользоваться стогодовальными методами. Существует масса современных препаратов, которые помогут облегчить муки абстиненции. Вот и пользуйтесь, дорогие товарищи, последними разработками социалистической медицины. На следующее мое дежурство поступил больной багрово-синюшно-желтушного цвета. Глаза и нос у него были красные, а губы, наоборот, синие. Колбасило и плющило, долбило и трусило, сушило и вязало бедолагу так, словно в руках у него болтался невидимый отбойный молоток. Ему срочно поставили капельницу, сделали уколы и залили в прыгающие губы соответствующие растворы. Никакого эффекта, ему становилось только хуже и хуже. Пациент начал закатывать глаза, хватать воздух ртом и готовиться выдать развернутый эпилептический приступ. Я судорожно вколол ему в задницу противоэпилептический препарат и приготовился держать голову, но тут опытная процедурная медсестра накатила в мензурку пятьдесят грамм спирта и влила в глотку бедняге. Он издал полувсхлип, полухрип, слышно было, как спирт стекает, начиная от корня языка и заканчивая большой кривизной желудка. Несколько секунд – и пациент ожил: губы порозовели, дыхание выровнялось, а в глазах начали отражаться предметы и люди. «Подобное лечи

подобным, – пробормотала себе под нос медсестра, быстро вымыла мензурку и заметила: – А теперь можно и уколы ставить».

Конспирация и еще раз конспирация

Кстати, когда-то я собирался стать психиатром, а не наркологом. Но в те далекие времена, когда я оканчивал институт, попасть в ординатуру по психиатрии могли только очень блатные. Пришлось идти в наркологию. Теперь я об этом не жалею. Встречаясь с бывшими студентами, ставшими психиатрами, я вижу разительные перемены, произошедшие с коллегами. Они стали какими-то замкнутыми, подозрительными и как бы ударенными пыльным мешком по голове. В себе я перемен не ощущаю, но жена часто повторяет, что все наркологи постепенно становятся на одно лицо: коммуникабельные, веселые, даже дурашливые, но в то же время все страдают манией величия. Вполне возможно, а как обычному человеку закодировать другого, чтобы тот не пил, не кололся и не курил? Как наставить его на путь истинный и при этом сомневаться в себе и своих способностях? Вот что я точно в себе замечаю, так это профессиональную забывчивость на имена и фамилии своих пациентов. Мне неоднократно обещали вырвать ноги, руки и язык с корнем, если я только посмею назвать чью-нибудь известную фамилию. В нашей стране не принято светить своей алкогольной привязанностью, и встречаясь на улице со своими пациентами, я первым никогда не здороваюсь. Не принято. Так вот, я никогда не помню имен и фамилий своих пациентов, только отчества.

Референт-расстрига

Михалыч работал референтом у Горбачева. Любимым референтом. Михалыч был запойным и сам прекрасно это знал. Распорядок его жизни был священен и непоколебим. Год Михалыч работал на благо отечества и рост личного благосостояния. Затем брал отпуск и уезжал на дачу. Там он залезал в подпол и месяц пил. По-черному. Я поинтересовался, откуда пошла такая мода – квасить в темном подвале. Оказалось, Михалыч в молодости работал в Прибалтике, а там именно так и пьют, чтобы никто не видел и не слышал. Через месяц референта вытаскивали под руки из подвала, прокапывали, и я подвергал его воздействию 25-го кадра. Опять целый год Михалыч вгрызался в работу, с теплотой вспоминая душный и вонючий подпол. Я неоднократно объяснял Михалычу, что до первой рюмки он здоровый, здравомыслящий человек. Но стоит капли дешевой энергии попасть в организм лучшего референта, он сразу превратится в худшего. Михалыч кивал головой, у него было три высших образования, и он все схватывал на лету, но и на старуху бывает проруха. Срок кодировки истек, и Михалыч стал подумывать о любимой даче. Оставалось совсем немного: встреча в Кремле с первыми государственными лицами, краткий брифинг, а потом и полуподвальный отдых. В ночь перед ответственной встречей Михалыча вдруг сразила бессонница, он ворочался с боку на бок и никак не мог уснуть. И тут его посетила спасительная мыслишка: влить тридцать грамм коньячку в чай, выпить и спокойно уснуть. Сказано – сделано. И действительно, Михалыч уснул как младенец. Наутро, садясь в служебную машину, референт попросил водителя – тормознуть у палатки и взять ему бутылочку пивка. Водила сразу все понял и предложил встречный вариант: Михалыч обходится квасом, идет и решает свои служебные дела. А на выходе его уже ждет машина с ящиком пива и двумя ящиками водки, и пусть он тогда хоть «ужрется» по дороге на дачу. Но перед встречей размяться пивком – подписать себе смертный приговор, все увидят нетрезвую походку, почувствуют запах спиртного, услышат смазанную речь и сделают соответствующие выводы. Михалыч стал горячо возражать, что он зажует запах спиртного, лихо спрячется за спины сотоварищей и вообще всех перехитрит. Водитель не поверил, дошло до драки, но референт все-таки выбрался из машины и принял бутылку пива на грудь перед брифингом. В Кремле добавил еще парочку. В результате был изобличен, подвергнут справедливой критике и с позором выгнан из референтов. Потом он сидел передо мной и плакал. Смотреть на плачущих мужчин – невеликое удовольствие, а Михалыча к тому же было по-настоящему жалко. Теперь он не пил, но его карьера была разрушена окончательно и бесповоротно. Никогда он не сможет подняться до прежних высот. Никогда. И Михалыч, и я прекрасно это понимали.

– Но ведь я принял тридцать грамм коньяка исключительно в снотворных целях, – стонал экс-референт.

– Согласен.

– У меня не было никакой тяги, – хватался за повинную головушку Михалыч.

– Согласен, – резюмировал я, – первые тридцать капель были использованы исключительно в релаксационных и снотворных целях, но именно они запустили механизм дешевой энергии. Кстати, можно было и коньяк не пить, достаточно накапать себе несколько капель корвалола или другой спиртосодержащей жидкости, так называемой настойки, и результат был бы тот же. После того как механизм запущен, организм требует продолжения банкета любой ценой, и тогда сознание идет на поводу, как глупый щенок: «Да я самый хитрый, да никто не заметит, да все обойдется». Увы, иногда не обходится.

Пьем мы для запаха, дури у нас и так хватает

А этот дяденька поступил после сорокадневного запоя. Лицом черен и прекрасен. События развивались следующим образом: у них с женой намечалась серебряная свадьба, был составлен список дорогих гостей, и под это дело закуплены продукты и два ящика водки. В последний момент список гостей вызвал непримиримые противоречия у супругов. Кого хотел видеть счастливый жених, на дух не переносила капризная невеста, и наоборот. Серебряная свадьба разваливалась на глазах. Невеста хлестнула жениха кухонным полотенцем по бесстыжим зенкам и укатила на дачу. Оскорбленный в лучших чувствах жених воскликнул: «Ах, так!» И принялся уничтожать зеленого змия в количестве сорока литровых бутылок водки. Он закрыл все окна и двери, чтобы не выброситься с пятого этажа по причине «проклятых баб». Норма у него была литр водяры в день. За окном надрывалась тридцатиградусная июльская жара, а мужик сидел в семейных трусах на табурете, пил водку, потел и плакал. Ему до слез было себя жалко, но врожденная гордость не позволяла останавливаться на полпути. И только выпив все два ящика, он пошел сдаваться врачам. С женой, кстати, они тут же помирились, а сколько он оставил здоровья в своей душной квартире, знает только его лечащий врач да ЭКГ.

Давай за них, давай за нас, давай за доблестный спецназ

А вот история спецназовца. Его под конвоем привели жена и теща, а он с порога устроил скандал, категорически отказываясь от лечения. Я и не настаивал, кабак – дело добровольное. Через три дня тот же пациент притащился на костылях и с жаром умолял «кодирнуть его на всю оставшуюся жизнь». Дело было так: выйдя от меня, компания разделилась по интересам. Жена с тещей поехали домой, а бывший десантник устремился к проверенным армейским друзьям, чтобы отметить счастливое избавление от трезвости. Друзей всего собралось четверо, в связи с чем пришлось взять восемь бутылок водки. Не так уж много для молодых, растущих организмов. На закуску приготовили холостяцкий салатик (крабовые палочки с кукурузой из банки). Потом еще сходили в магазин, конечно, за водкой. Неужели на еду тратиться? Потом еще сходили за водкой, потом еще... Спецназовец пришел в себя на больничной койке с переломанными ногами. По крупницам, выуживая из памяти события вчерашнего вечера, он так и не смог вспомнить, чем закончилась попойка бравых ребят. Один из четверки хмельных мушкетеров все-таки припомнил, что они решили прыгать в заданный квадрат. Квартира находилась на третьем этаже, а парашюты им были уже ни к чему. Трое получили переломы конечностей, а один и вовсе повредил позвоночник и мог остаться на всю жизнь в инвалидном кресле. Спецназовец был на грани нервного срыва, по сути, он был виноват во всем случившемся. И только повторял: «Если бы я тогда кодирнулся, если бы я...»

Пусть тебе приснится Пальма-де-Мальорка

А как не вспомнить жертву корпоративного отдыха? Старый мой знакомец Сергеич собрался вместе со своей фирмой оттянуться на Мальорке. Пришел и слезно просил его раскодировать, не желая отрываться от коллектива. От резонных сомнений в возможности дозированного употребления отмахнулся, как от назойливой мухи. Хозяин – барин. Употреблять отдыхающие, как водится, начали еще в самолете, продолжили в номере, потом на пляже. Кстати, это был первый и последний день, когда он видел море. На следующий день его сосед проснулся оттого, что наш герой, пыхтя и отдуваясь, затащил в номер ящик рома из ближайшего супермаркета. Увы, на следующие две недели Сергеич был потерян для общества. Он не загорал, не купался, не участвовал в корпоративных посиделках и пляжном кобеляже, в общем, не занимался всякой ерундой. Он настойчиво и неуклонно уничтожал напиток пиратов, пел протяжные русские песни и обличал с балкона островные нравы. Сосед быстро смылся в другой номер, оставив баламута в гордом одиночестве. Прислуга тоже зря не мозолила глаза, справедливо опасаясь непредсказуемого русского. Через две недели отдыха в самолет его заносили на одеяле, потому что там, на Мальорке, почему-то не оказалось службы по выведению из запоев. Через неделю, выйдя из московской наркологической клиники, герой корпоративного отдыха узнал, что уволен из доблестных рядов родного холдинга, а все его выходное пособие ушло на покрытие пьяных художеств.

Скажи, а кто не пьет?

Хотите про губернаторов? Пожалуйста. Губернатор одного нехилого края настаивал на встрече в пять часов утра. Я пытался его образумить, намекая, что и в восемь он пройдет незамеченным. Государственный муж остался непреклонен, пришлось заночевать в кабинете. Губернатор со слезами на глазах стал живописать муки похмелья, терзающие его при решении государственных дел. Увы, губернаторы, оказывается, ничем не отличаются от простых смертных, и, отвечая на вопросы электората, ставя судьбоносные задачи перед областью и распекая нерадивых подчиненных, крупный чиновник мечтал только об одном – опохмелиться. Под любым предлогом выскакивал в закуток и прямо из горла глушил коллекционный коньяк. И так через каждые полчаса. А когда приехала иностранная делегация и они устроили чинное чаепитие, блюдец так предательски задрожало в руках главы огромного округа, что он был вынужден поставить чашку на стол и сделать вид, что чай ему ни к чему. Губернатор, понимаешь, эка невидаль. У нас президент из самолета выйти не мог, и то ничего.

Муж и жена – одна сатана

Как-то на прием ко мне пришла женщина, работающая в банке, и привела мужа – частного бомбилу, то есть водителя-частника. Мужик три дня побомбит, денег насобирает, три дня культурно распивает, три дня побомбит, три дня отмечает. А что? Сам себе хозяин. Начальства нет, предрейсовых осмотров нет. Красота. Но его жене такая красота была не по вкусу. То от мужа перегаром разит, то грязно домогаться начинает, а ей завтра к восьми утра в банк чужие деньги считать. Надумала она его кодировать. Он ни в какую. Пошла ты, говорит, сама кодируйся. Но все-таки уговорила к доктору хотя бы на консультацию прийти. Сижу себе в белом халате, историю болезни пишу, и вдруг впирается такая очумелая парочка. И с порога начинается ссора, грозящая перейти в кровавую драку. Доктора как будто вообще нет.

– Дура, пил и буду пить. Чего ты меня сюда притащила? Тебе самой лечиться надо. А по маме твоей психушка плачет.

– Слизень, гад гадский. Всю жизнь мне испоганил, всю кровь выпил, пьянчуга чертов.

– Щас, точно в чавку дам, банкирша хренова. Держите меня двадцать человек. Я за себя не отвечаю.

Я пишу историю болезни, семейка ругается, минуты текут. Через полчаса запал иссяк. Я спокойно так начинаю: «Милая женщина, подождите нас, пожалуйста, пятнадцать минут в коридоре. Мы поговорим с вашим мужем и примем необходимое решение». Тетка помялась, помялась, но вышла. И тогда я так проникновенно и ласково выдаю: «Батенька, мне абсолютно все равно, завяжете вы или нет. Это ваше частное дело, но давайте посмотрим правде в глаза. Продолжительность жизни мужиков в России пятьдесят четыре года, врут, что пятьдесят восемь. Женщин – семьдесят четыре года. Нигде в мире нет такой разницы. Женщины живут дольше во всем мире, это да, на три – четыре года, но не на двадцать же. А почему? А потому, что наши мужики рвутся на тот свет прямо наперегонки. Кого ни спросишь – сколько за день выпиваешь? Литр, полтора водки, не меньше. Сколько выкуриваешь – две, две с половиной пачки. А как выпьют, так и до трех пачек сигарет выходит. И что, от этого здоровья прибавляется? Нет, от этого здоровье убывает. Поэтому зря вы, любезный, с супругой ругаетесь. Пишите на нее завещание и продолжайте свой развеселый образ жизни. И каждый при своем: она при машине и квартире, а вы, любезный, в сырой земле.

– Чего это в сырой земле? Я вас всех переживу.

– Да? Ну, давайте тогда давление померим, а то ваш цвет лица напоминает баклажан и ручонки ходуном ходят. Видать, не опохмелялись?

– Не опохмелялся, – голос мужика значительно сдал.

– Напрасно, напрасно. Если хочешь быть здоров, похмеляйся. Это я вам как специалист говорю. Все белые горячки и эпилептические припадки происходят не на высоте запоя, а при резком бросании.

– Так что же, не бросать, а похмеляться постоянно?

– Не надо передергивать. Надо похмелиться ста граммами и быстро к наркологу бежать, пусть он оказывает квалифицированную помощь. Вот, допустим, у вас в квартире запахло газом. Что делает грамотный жилец? Он сразу звонит 01. Вызывает газовщиков и перекладывает свои проблемы на них. Что делает неграмотный? Он пошире раскрывает форточки, мол, проветрится, само рассосется. Или вообще, вооружившись отверткой, самостоятельно лезет в газовую плиту. А потом полдома взлетает на воздух. Будем давление мерить?

Давление оказалось 240/160 мм рт. ст.

– Ну-с, и как же мы будем жить дальше? Если померить давление у вашей жены, наверняка будет 120/80. На женщин ссоры действуют успокаивающе. А если она еще и всплакнет, так вообще все замечательно. А вы, дружок, на пороге гипертонического криза. А дальше

на выбор? Инфаркт или инсульт. Что вам ближе? И говорю я это не для того, чтобы срубить несчастные три тысячи, а потому что я на стороне мужиков. Как говорит мой тесть: мужчина и женщина – это два разных биологических вида. А тесть биолог, ему видней. И я, как представитель мужского, защищаю свой вид. А что дальше делать – решать вам и только вам.

Мужик сидел с выпученными глазами. Так с ним еще никто не разговаривал.

– Ну, ладно, завяжу, а что я делать буду?

– А что хотите. Хотите – путешествуйте, хотите – дачу стройте, хотите – по бабам бегайте. Мне без разницы. Тут я вам не советчик. Мое дело – влечение к алкоголю снять, а все остальное от вас зависит.

– Слушай, Андреич, ничего, что я на «ты»? А если у меня не получится замену найти, я к тебе еще раз приду, ну, чтоб раскодироваться.

– Приходите, к тому времени воды много утечет. Может, вам и понравится трезвым-то жить.

Через три месяца случился повтор-момент. Этот же мужик ворвался в кабинет как сквозняк – предвестник бури и стал из женской сумки вытряхивать на стол документы, губную помаду, телефоны, шариковые ручки и прочую дребедень, заполняющую обычно дамские сумочки. Потом выхватил пятерней паспорт и свидетельство о браке и, наконец, прорычал:

– Андреич, кодируй ее от водки и курева – или мы идем разводиться к чертовой матери!

Я изумился:

– Ее кодировать?

– Ее, ее, – голос мужика сорвался на крик, – совсем, шалава, разболталась!

Следом вошла рыдающая жена. Даже с первого взгляда было видно, как она сдала. На первом приеме сидела крутая, уверенная в себе женщина, а сейчас зареванное, затюканное существо непонятного возраста. Зато мужик выглядел огурцом: прекрасный цвет лица, уверенный взгляд, командирский голос.

– Андреич, повторяю, сейчас ты кодируешь ее от алкоголя и табака. Иначе развожусь. Все – развод и девичья фамилия. Я не пью, не курю, а она, зараза, гульбенит напропалую.

Через полчаса, когда жена немного успокоилась, а муж, наконец, перестал угрожать разводом, выяснилась любопытная правда. Мужик, бросив пить, сразу поостыл и к курению. Наладился возить туристов по ночной Москве и деньги по тем временам огребал немалые. А так как время, отнимаемое пьянкой, освободилось, он занялся строительством дачи. Все никак руки за пятнадцать лет не доходили. За три месяца он ухитрился почти перестроить дом. Но в быту стал совершенно непереносим. Раньше он был относительно тихим. Чувство вины давило на его мозжечок. То уснет на коврике, не раздеваясь, то выхлоп от него как от самогонного аппарата, а то и вообще до дома не добирался – в гараже бичевал. Какие уж там нестиранные носки, какая подгоревшая яичница! И вот, о чудо, он завязал. И тут же из него полезло дерьмецо. Я-то работаю, не покладая рук, я-то не пью, не курю, а ты меня одной яичницей кормишь. Я вынужден в одной рубашке два дня ходить. И тут в банке корпоративная вечеринка. И выпила-то она два бокала шампанского, и выкурила-то одну сигарету. И все, скандал, муж ее казнить будет. Всю ночь нотациями изводил, всю ночь алкоголичкой обзывал. А наутро – к доктору. Мне что? Я объясняю: проблем с алкоголем и табаком у женщины нет, но если клиент настаивает... Клиент не просто настаивал, он аж ногами затопал. Когда все уже закончилось, бедная женщина, подписывая последние расписки, еле слышно уронила: «Уж лучше б пил, сволочь». А мужик-то до сих пор не пьет, жену воспитывает.

Интересное наблюдение

За годы своей практики я заметил интересную вещь. Холостые и одинокие практически не приходят лечиться. Они себе пьют и пьют, пока кеды в угол не поставят. Лечатся семейные любители выпить. Их приводят жены и тещи, реже матери. Мужики кочевряжатся, пытаются уйти из-под коряги, но их железной рукой тянут к трезвости. Но стоит им бросить пить, как происходит удивительная метаморфоза. Некоторые жены и матери делают все, чтобы их ненаглядный снова запил. Причем, попробуй таким женщинам про это скажи. Глаза выпарапают, обвинят в клевете. Да мы, да для него, а он... Но все не так просто. У каждого из них своя роль, сложившаяся годами, и менять что-либо сложно. Трезвый дядька уже не нуждается в заботе, его не надо уже ни от чего спасать. Мало того, когда он трезвыми глазами глядит на жену, то невольно думает: «Что эта корова здесь делает?» И тогда подсознательно, повторяю, подсознательно она сделает все, чтобы он ушел в запой. А уж там по накатанной – спасаем человека от водки, спасаем горячо и самоотверженно. По статистике у холостых ремиссии качественнее, продолжительнее, зато женатые лечатся чаще. Да и начальники любят злоупотребляющих подчиненных. Запил, скотина, – отработай. Премия? Какая премия? Отпуск летом? Зимой пойдешь. Сверхурочные оплатить? Смолы горячеей. А бросил работник пить, он сразу хозяина за горло: мне мое отдай. Я работал? Работал. А ты, змей, мне премию зажал? А ну, гони деньги. И ведь не денешься никуда, отдашь как миленький.

Все мы люди, все мы человеки

Самые интересные пациенты – фээсбешники. Их сразу видно: только у них взгляд в течение минуты может из тяжелого превращаться в открытый. У других так не получается. Или у человека открытый взгляд, или буравящий. Так вот, люди из спецслужб довольно часто злоупотребляют спиртным: работа тяжелая, нервная. А как стресс снимать? Ясное дело, водкой. Но в России существуют две ловушки:

1. А что это ты не пьешь? Стукачок, наверное, или не уважаешь? Пей со всеми, гад, не сквози.

2. А что это ты с похмелья на работу вышел? Ты что, вчера пил?

– Да вы же сами меня вчера заставляли выпить, чтобы как все. А теперь претензии, что я с похмелья?

– А ты так должен пить, чтобы с утра как огурчик, да чтобы все помнить, о чем говорили, да чтобы лишнего не брякнуть.

К сожалению, не у всех это получается. И те, кто идет сдаваться, – это сошедшие с круга. Их терзают противоречивые чувства: и пить нельзя, и не пить нельзя. Если не пьешь – ты предатель, себе на уме, и карьера твоя не задается, потому что никто не хочет иметь с тобой дела. Все кругом пьют, празднуют, а ты как бирюк сидишь дома, чтобы не омрачать своей постной трезвой физиономией праздник души и тела. И никто тебя не приглашает, да и ты никого особо не хочешь видеть. Если пьешь – можешь уйти в штопор, прогулять работу, сначала начальству в жилетку поплакаться, потом высморкаться, в общем, начудить: какая уж тут карьера? И запомнился Николаич, человек в очень больших чинах. В своих кругах он известен как сугубый трезвенник, всегда за рулем, всегда свеж, бодр и подтянут. И так продолжается до середины июня. Тогда Николаич уходит в отпуск, едет на «заимку» в Тверскую губернию. Это маленький домик в лесу. И там вместе с лесником они неделю квасят вглухую. По словам Николаича, «три литра водки в день уходят в легкую». Не до охоты, не до рыбалки, ясное дело, не доходит. Через неделю наркологи грузят бесчувственного Николаича в машину и прокапывают. Затем торжественно смотрится 25-й кадр. И Николаич ровно год до середины июня в завязке. И так год за годом – семнадцать лет. Я много раз предлагал ему завязать на два или три года. Николаич с негодованием отвергал такую возможность. Он считал, что год – самое оно. А два года – это чересчур. И объяснял просто: год я не пью. Здоровье коплю. Я про себя знаю: капля спиртного попала – караул. Буду пить неделю. Есть глупые люди, которые раз за разом наступают на одни и те же грабли. Не пьют, не пьют, а потом как сорвутся. Не понимают, недотепы, что алкоголизм тем и отличается от бытового пьянства, что человек не может затормозить. Неделю вынь да положь. А за эту неделю приходит счет: на работе прогулы, жене в ухо съездил, машину разгрохал, все документы и ключи потерял, у самого бланш под глазом. И давай, старайся, замаливай грехи. С женой мирись, перед начальником на коленях ползай, машину новую покупай, документы восстанавливай, ключи меняй, короче, собирай шишки. Только помирился, отползал, отработал, отмолил, восстановил, поменял, только зажил спокойно – друзья тут как тут: «Да ладно, от рюмочки ничего не будет. Сейчас пол-литру разболтаем и бросим». Разболтали – и в штопор на неделю. И по новой – разбил, прогулял, потерял, подрался. Нет, ветераны разведки на это не пойдут. Я знаю, что пить не умею, поэтому, пока трезвый, продумываю все наперед. Да я к этому недельному запою как к отпуску весь год готовлюсь. Покупаю хорошую, дорогую, отборную водку. На работе беру отпуск. Жене говорю, что еду на рыбалку. Ну, попьем мы с лесником неделю. Водка хорошая, жена не видит, на работе не знают. Вы наготове. Через

неделю приняли, прокапали. Ты мне кадр показал, и все под контролем. А за эту неделю я стресс снял и опять готов к труду и обороне.

Но самое прикольное: у меня один раз лечилась парочка бывших разведчиков ГРУ. Муж и жена. Они работали в одной из скандинавских стран. Охраняли, так сказать, внешние рубежи. Работа напоминала танец на канате, и в пятьдесят лет их отправили на пенсию. Дали однокомнатную квартиру в Медведково и мизерную пенсию. Дело происходило в начале девяностых. Сейчас, может быть, к разведчикам и лучше относятся, а тогда все было тускло. И парочка запила. Причем конкретно. До белых горячек и психиатрических отделений. Пришли ко мне. Это надо было видеть. Они ловили скрытый 25-й кадр. Первый и последний раз в моей практике. Они читали откеиный (скрытый) кадр. Я был в восторге, ставил им разные программы и видеоряды. Они называли фразы. Сразу, без заминки. Потом объяснили: их готовили профессионалы. На большом экране движутся машины, если номер автомобиля повторяется, значит, слежка. Нужно нажать на кнопку и назвать номер машины. Если не назвал, удар током. Движение на экране ускоряется, током бьют все сильнее. На мое заявление, что это невозможно, так быстро считывать скрытые кадры, они ответили: три месяца надо бить током, и ничего невозможного нет.

Брат два

А это вообще случай для докторской диссертации. Один брат привел второго на лечение от алкоголизма. Он с порога заявил, что его брата, видимо, сглазили: «Как так, у мамы день рождения, все посидели, выпили, повеселились. На следующий день все пошли на работу, а это чудо ушло в штопор на месяц». Выяснилось, что они братья-близнецы. Родились с разницей в несколько минут, ходили в одни ясли, один детский сад, учились в одном классе и сидели за одной партой. Потом служили вместе в армии, ходили в одну группу в институте и распределились на один завод, где горбатились инженерами. Все у них всегда было совершенно одинаково, даже женились на близняшках, и вдруг такое разительное различие. Я ухватился за подобный случай, как кот за клубок шерсти, и стал распутывать его, задавая наводящие вопросы. Скоро стало понятно, откуда печень растет. Оказывается, брат № 1 полгода назад сломал ногу и временно оказался нетрудоспособен, а брата № 2 заслали в командировку в Надым всего-то на шесть недель. Что делать в Надыме после работы молодому, здоровому инженеру? Ясное дело, разминаться дармовым спиртом и ждать возвращения домой. И за полтора месяца брат два пересел на дешевую энергию. С этой поры, стоило капле спиртного попасть ему на язык, и он тут же уходил в месячный запой. Брат номер один стал хихикать и с издевкой поинтересовался:

– И вы хотите сказать, что такая же ерунда будет у меня? Если в течение полутора месяцев я буду выпивать по бутылке пива, то у меня начнутся месячные запои?

– Непременно, – пресек я его веселье, – даже не сомневайтесь. Вы однайцевые близнецы. Если бы тогда ваш брат сломал ногу, а вас послали в ту злосчастную командировку, то сейчас бы он приволок вас сюда, да еще бы и возмущался, что вы совершенно не умеете пить.

Я посмотрел на часы, они показывали три часа ночи. Можно сказать, половину дежурства оттрубил и даже не заметил. Вот чем нужно заниматься по ночам – мемуары писать, тогда и время пролетает незаметно. Но все, хватит случаев из жизни и практики. Пора переходить к самому главному и развенчивать мифы, связанные с наркологией.

Немного о калориях

По последним данным алкогольная болезнь – болезнь нарушенного обмена по типу дешевой энергии.

Простыми русскими словами: спирт – самый калорийный продукт в мире, посмотрите любой учебник. Допустим, мы съедаем кусок хлеба, он содержит восемьсот килокалорий, но для того, чтобы его переработать, организм вынужден затратить шестьсот килокалорий, то есть чистыми мы получаем двести килокалорий ($800 - 600 = 200$). То есть из мяса, рыбы, хлеба, сыра и т. д. мы достаем пятую несчастную часть. А выпивая рюмку водки или бутылку пива, которые содержат восемьсот килокалорий, семьсот девяносто наши. Только десять килокалорий тратит организм на переработку спиртного. Получается, что **самый калорийный продукт в мире – спирт**. Потом следует уксус и далее по убывающей. Вы печку чем будете топить? Сырыми дровами или сухим каменным углем? Ответ очевиден. Сухим каменным углем – тепла больше. Организм, как любая система, стремится затратить как можно меньше энергии, а получить как можно больше. Недаром пьяные не знают, куда девать энергию: то пляшут, то дерутся, то рвутся навстречу приключениям. Вторая проблема в том, что предрасположенность к дешевой энергии в России – 86 %, у финнов – 92 %, у чукчей, эвенков, эскимосов и других северных народов – 100 %, а у испанских басков – 0 %. Ни один не зафиксирован. А на Кавказе ни одной белой горячки у коренного населения не отмечено. Генетическая предрасположенность определяет развитие болезни, а никак не воспитание или злая жена. Если у парня родители страдали алкогольной зависимостью, он в группе риска. То же относится к близким родственникам: дяди, тети, двоюродные деды и прочая родня, злоупотребляющая алкоголем, должна навести вас на мысль, что у вас может быть неблагоприятная наследственность. Вы, являясь носителем этих генов, тем не менее себе ни в чем не отказываете. Сегодня пивка, завтра водочки, послезавтра коньячку. С энергетической точки зрения вы методично подсаживаете свой организм на дешевую энергию. И на определенном этапе вам это удастся. На самом деле все прекрасно помнят: в 1999 году он выпивал один день, и на этом прекращал. А уже в 2000 – следовал запой три дня. Дяденька начинает психологизировать: жена такая-сякая, начальник козел, компания теплая подобралась, уходить не хотелось. Все это отговорки, организм индивидуума пересел на другой вид энергии – более дешевый. С этого момента начинаются запои. Не пьет человек – нет проблем. Попала капля – тушите свет. Ведь теперь для такого мужичка нет водки и портвейна, коньяка и самогона. Есть только дешевая энергия. Заметили, что пьющие люди сразу перестают есть, мгновенно пропадает аппетит? В защиту этой теории также говорит то, что описано множество случаев, когда запои начинались после принятия настоек. То есть пациент накапает корвалол на сахар, чтобы поддержать сердечную деятельность, а в результате уходит в запой. Он ни сном ни духом не собирался пить, но капли внешнего алкоголя хватает, чтобы завести процесс утилизации дешевой энергии.

Отречемся от старого мира

Если человек заболел сахарным диабетом, он будет жить с ним до гробовой доски. Язвенная болезнь периодически обостряется, а уж если еще и пищу перчить, то расплата в виде резкой боли не замедлит явиться. При гипертонической болезни никому в голову не придет пить по пятнадцать чашек крепкого кофе. И только к алкоголизму, тоже, между прочим, хроническому заболеванию, отношение в нашей стране снисходительное. Просто-народные нотки звучат даже в устах рафинированных эстеток – жен сильно пьющих творческих личностей. «Держался», «сорвался», «тяга». Через три минуты беседы понимаешь: в России страшен не алкоголизм, в России страшна анозогнозия (то есть элементарное непонимание сути заболевания, его причин и последствий). Мракобесие и непонимание элементарных вещей в отношении алкогольной и наркотической зависимости настолько укоренились в широких слоях населения, что без предварительного определения понятий мы будем говорить просто на разных языках. Хотите, я вам открою Америку? Мы живем в мире расхожих штампов и древних мифов в отношении алкоголизма и наркомании.

Миф первый

Алкогольная зависимость — фатальное, неизлечимое заболевание. Аминь. Ничего подобного. Статистика — вещь жесткая. Люди пьют от двадцати до пятидесяти лет. То есть как только кончается здоровье — заканчиваются и проблемы с алкоголем. Двадцать пять лет назад, когда я только начинал, я в это не верил. Теперь верю. Убедился, что испытанные бойцы, которые за один присест могли уговорить полтора литра водки, к пятидесяти годам подрастеряли свое богатырское здоровье. Сахарный диабет, инфаркт, инсульт, цирроз печени и др. — вот перечень болезней, которые мешают наслаждаться выпитым. То есть единственное, чем отличаются алкоголизм и наркомания от других болезней, это тем, что с каждым годом прогноз все лучше. При других заболеваниях все хуже, а здесь все лучше. Наверняка вы встречали очень и очень пьющих людей, которые под старость лет угомонились. Думаете, они от алкоголизма излечились? Нет, у них просто здоровье кончилось.

Миф второй

Тяга. «У него такая тяга», – говорит расфуфыренная дама про своего мужа, раздувая щеки. И сразу хочется спросить: какая тяга? Как в печке? Или как в аэродинамической трубе? Или речь идет о влечении к алкоголю? Так вот. Никакого влечения к алкоголю нет! Сказки все это. Заморочили вам голову пьющие товарищи, а вы уши развесили. Если говорить медицинским языком:

- на первом месте по степени влечения идут наркотики;
- на втором – табак;
- на третьем – чай;
- на четвертом – кофе;
- на пятом – алкоголь.

Алкоголь на пятом месте, позади чая и кофе. Что, не верится? Тем не менее это так. Заприте пациента в одноместной палате и не давайте ему две недели водки. И что? И ничего. Он про нее и не вспомнит. А не давайте ему две недели еды? А? На стенку полезет, бедняга. А вам срок дадут за измывательство над человечностью. Когда мне пациенты рассказывают, как они, находясь в ремиссии два года, каждый день отмечали крестиками дни в календаре, я смеюсь им в лицо. И предлагаю рассказывать эти байки родным и близким, а не ветерану наркологии. Если он продолжает настаивать, интересуюсь, когда он это делал: утром или вечером, и не пропустил ли, не дай бог, одного дня? Вам еще не смешно? Смех кончается, когда ему уже попал глоток спиртного.

Миф третий

Алкогольная болезнь – распушенность, дурь, слабая воля. Надо взять себя в руки, сделать с утра зарядку, и алкоголизм отступит. Опасное заблуждение. Нельзя смотреть на эту проблему, как циклоп, одним глазом. Наркология – это часть психиатрии. А психиатрия некомпетентности не любит. Ни один обыватель не отдифференцирует шизофрению от маниакально-депрессивного психоза. И даже связываться не будет. Зато каждый норovit безошибочно отличить бытовое пьянство от алкоголизма. И говорит громко, уверенно, без тени сомнения, а так как знаниями не обременен, то тычет пальцем в небо. Я с такими людьми никогда не спорю, я их просто спрашиваю, что такое палимпсест? Они не знают. Предлагаю для начала прочитать хотя бы один учебник. Они отказываются. Перевожу разговор на балет. Я в нем все равно не разбираюсь. Вывод очевиден: пусть профессиональные психиатры-наркологи занимаются данной проблемой. А маги, чародеи, экстрасенсы, журналисты и пр. пусть отдохнут, поберегут силы для других великих дел.

Миф четвертый

Закуска и выпивка живут сами по себе. Ничего подобного. Вы обращали внимание, как в России пьют? Пьют всегда натошак. Мало того, пьют очень быстро. Под это дело и поговорки заготовлены:

- Жрать – дело свинячье;
- Закуска градус крадет;
- Между первой и второй перерывчик небольшой;
- Ты чего сюда, жрать пришел?
- Между третьей и четвертой пуля не пролетит;
- Закусывают только буржуи недобитые;
- Восемь водки, два салата;
- Между пятой и шестой позвони жене домой...

А между тем самый простой способ снять влечение к алкоголю – плотно поесть. На сытый желудок уже и выпивка не лезет, и кайф не тот. Грамотная жена не ругается на собирающегося выпить муженька, не выливает водку в раковину. Она накормит его как удава, он сам пить не будет.

Миф пятый

Пациенту, находящемуся в ремиссии, строго-настрого запрещены препараты на спирту, потому что якобы, почувствовав вкус спиртного, он заведется и уйдет в многодневный запой. На самом деле здесь решающую роль играет не вкус спиртного, а то, что в организм попадает дешевая энергия. И организм (не будь дурак) перестраивается на нее. Зачем из сосисок и котлет доставать четвертую часть, когда практически чистая энергия поступает из горлышка?

Миф шестой

Все люди с похмелья болеют одинаково. Ничего подобного. Средний представитель средней полосы шесть – восемь часов должен дожидаться, когда ацетальдегид – токсичный продукт полураспада спирта – полностью распадется до углекислого газа и воды. У испанских басков и жителей Кавказа ацетальдегид распадается за сорок минут. То есть представители данной категории не знают, что такое дикое похмелье. У них так хорошо работают ферменты, расщепляющие алкоголь, что вопрос, похмеляться или нет, перед ними не стоит. Наш же среднестатистический мужичок говорит так: да я бы не похмелялся, я же понимаю – на работу идти. А у меня жена, дети, но мне так плохо, так плохо, что просто необходимо пятьдесят грамм для приведения себя в дееспособное состояние. «Ну, а похмелка – вторая пьянка». У чукчей, эвенков, эскимосов, кстати, ацетальдегид разваливается через шестнадцать суток. Законодательно запрещено продавать северным народам алкоголь. Потому что за «огненную воду» они все отдадут. А количество ферментов напрямую зависит от времени употребления алкоголя данной национальностью. Испанцы и кавказцы употребляли вино еще до нашей эры, и в результате естественного отбора остались особи с хорошей ферментативной системой. В России водку трескают не так уж давно, раньше все больше меды пили, а их много не выпьешь – слипнется. На севере вообще мухоморы лопали. Так что к нынешнему спиртному изобилию мы пришли совершенно беззащитными. Вот говорят, что Россия спивается. Ничего подобного, идет естественный отбор, и через пятьсот лет и у нас будет достаточное количество ферментов, расщепляющих алкоголь. Да не бойтесь, мы что-нибудь раньше придумаем.

Миф седьмой

Если человек бросит пить, то солнце начнет всходить на западе и мир рухнет. Нет. Все останется, как есть. Только у вас перестанут дрожать руки. Но запомните, если вы приехали со светлой кожей в Египет и решили весь первый день валяться на солнце – это ваше частное дело. Но потом всю неделю вы будете скрываться в номере и натираться простоквашей. То, что вы сгорели, не зависит от вашей силы воли, а вызвано исключительно малым количеством пигмента меланина. А негр может находиться на солнце сколько угодно, потому что у него этого меланина завались. Никогда не видели, как лежит негр на пляже и загорает? Бывает. А вам с вашей бледной кожицей нужно пользоваться кремами-лосьонами от солнца и предусмотрительно уползать под зонтик. То же самое и с алкоголем. Вбейте себе в голову, что у вас мало ферментов и вам предстоит тяжелое похмелье – самому пить не захочется.

Знание – сила, незнание – мощь

Я всегда удивлялся россиянам. Они так часто глушат водку, что должны знать об опьянении все. Не тут-то было. Как раз этот вопрос остается для них белым пятном на карте мира, непознанными джунглями и неисхоженными пустынями. Каждый день они бодро процеживают воду через фильтр, чтобы она была чистой, но немногим пришла в голову мысль завести второй фильтр. Один для воды, другой для водки. Можно использовать активированный уголь, марганцовку и другие средства для очистки спиртного. Профессор Портнов, автор учебников по наркологии, рассказывал мне, что до революции ямщик заруливал в трактир, выпивал целую четверть водки (а это два с лишним литра), потом запрягал лошадь и трогался в путь. И не потому, что ямщик был таким здоровым, а потому, что водка была тройной очистки. А сейчас водочные короли на очистке экономят, по рассказам технологов – деньги тратят исключительно на дизайн этикеток и бутылок, а водку разливают из одной цистерны. А потом все спрашивают, почему так много драк и чудиловок по пьяной лавочке. А потому что это не опьянение, а отравление сивушными маслами плохо очищенного продукта. Хотя не будем винить только производителей «русского эроса». Потребители тоже хороши. Как-то раз ко мне приехал лечиться наш программист из штата Калифорния. В свое время он закончил Бауманский институт, где научился пить много, быстро и не закусывая. Завалив в тамошний бар после работы и заказав стаканчик виски, бывший студент махнул его одним махом, чисто по-русски. Что такое стаканчик виски для местного ковбоя? Повод заказать еще один стаканчик. А для испытанного бауманца? Предлог заказать целый пузырь. Под восхищенные взгляды малохольных ковбоев он за десять минут добил бутылку вискаря и заказал еще поллитровку. Сердобольный бармен протянул неистовому русскому блюдце орешков. Наш человек после первой не закусывал... Очнулся он за рулем своей машины. Места были незнакомые, и, увидев первого же прохожего, наш бауманец спросил, где же он находится. Абориген назвал незнакомый город, и программист хотел уже выйти из машины, чтобы дать в репу америкосу, вводящему в заблуждение благородных людей. Местный, однако, настаивал: это Финикс, штат Аризона. Наш человек занервничал и посмотрел по карте. Оказывается, он на автопилоте укатил в соседний штат и по идее мог передавить половину американского населения. В холодном поту развернул машину и поехал в родной штат Калифорния, поклявшись вслух, что если все обойдется, рвануть в Москву и закодироваться на пять лет.

Москва – не Россия

Имея дело с приезжими, я неоднократно убеждался – в Москве-то и не пьют, а так, балуются. Кстати, самые мало пьющие города в России: Москва и Питер, запойных здесь на работе не держат. Простой парень Ваня из Западной Сибири рассказывал, как у них пьют после получки. В сугроб ставится ведро водки, и два участника соревнования, сидя в снегу, пластмассовыми черпаками уничтожают содержимое. Процесс принятия спиртного заканчивается, когда один из участников тыкается носом в снег. Победитель с плохо скрываемым торжеством берет в одну руку ведро, в другую – ногу проигравшего и тащит их в бытовку. Остатки водки по праву принадлежат ему. Ясное дело, что о закуске и глупых тостах речь не идет, водка пьется быстро и молча, потому что на улице чрезвычайно холодно. На мой глупый вопрос: «А почему черпаки-то пластмассовые?» Ваня со знанием дела ответил: «А потому что на морозе металл к губам прилипает». А ведь недаром раньше пели песни и плясали, тем самым выкраивались интервалы времени, чтобы хоть немножко протрезветь. Печень по-любому перерабатывает среднюю порцию спиртного за 1 час. А современное русское застолье подразумевает порцию горячительного раз в три минуты, а до закуски, как правило, вообще не доходит. Закусывайте, россияне, закусывайте до и после, а лучше вместе. Ну, а уж если наковырялись, держите под рукой витамины В (декамевит, ревит и прочие). Это самое доступное средство быстро протрезветь, нужно лишь слопать драже семь-восемь. Кстати, многие официанты всегда держат под рукой такие витамины.

Часы показывали шесть часов десять минут. Набирал силу рассвет, солнце лезло в форточку, как наглый рыжий кот после бурно проведенной ночи. В сестринской заругались две девушки сонными голосами, кому идти и раскладывать лекарства. Из кухни запахло желудевым кофе и подгоревшими булочками. Я покрутил занемевшей шеей, потряс натруженной рукой. Пора бы и отдохнуть. Бли-и-ин, я же о наркоманах ничего не написал. Пока не охвачу эту группу населения, о завтраке можно и не мечтать.

Мифы о наркоманах

Миф 1. Наркомания не лечится. Ничего подобного. Покажите мне сорокалетних наркоманов. Покажите пятидесятилетних. Это водку можно пить и в двадцать, и в сорок, и в шестьдесят лет. С наркотиками все по-другому. Средний стаж наркомана – пять лет, потом он или умирает, или спрыгивает, или садится в тюрьму. У наркоманов все концентрировано: и райское наслаждение, и быстрая расплата. Даже в двадцать пять лет наркоман выглядит как пенсионер на дискотеке, ведь средний возраст потребляющих наркотики девятнадцать лет. А к двадцати пяти половина его друзей отбросили карандаши. Если наркоману больше двадцати пяти, его заслуги в этом, как правило, нет. Спасибо нужно сказать его родителям, которые его укладывали в клиники, снимали ломки и «омолаживали».

Миф 2. Передозировка. «Он умер от передозировки» – это выражение стало нарицательным. Попробуем разобраться, так ли это. Если не брать совсем юных торчков, то выходит неувязочка. Наркоманы со стажем – профессора и академики в своей области. По умению попасть в самые тонкие вены они дадут сто очков вперед процедурной медсестре. По знанию психотропных препаратов – самому опытному фармацевту. И заметьте, наркотический кайф гораздо легче алкогольного, который грамотные люди называют бычьим. Так с чего, согласитесь, наркоману, который сидит на двух кубках, вводить себе десять? Попробуем разобраться. У наркоманов есть такое выражение «бодяжить», то есть в чистый героин сыпать все подряд, похожее по цвету и консистенции на героин. А это сахар, известка, мел... Самое страшное, кстати, сахар: получается, как будто человек зараз слопал двадцать тортов птичьего молока. И поджелудочная железа не выдерживает: панкреатит – панкреонекроз – быстрая смерть. При чем здесь передозировка? Наоборот, героина было мало, зато сахара много. Возникает закономерный вопрос: а кто же бодяжит? Да все. Все, кто хочет заработать побольше денег или открыть и себе часть дозы.

Миф 3. Трудно лечить наркоманов со стажем. Наоборот, чем больше стаж и взрослее пациент, тем легче найти с ним общий язык. Хуже нет двенадцатилетних торчков, которые готовы нюхать клей и прочую гадость. Эти подростки не представляют себе, что хуже клея трудно что-либо придумать. Ведь клей – жирорастворитель, а мозг всего лишь кусок жира. Токсикоманы просто растворяют свой собственный мозг. Если вы посадили жирное пятно на брюки, его надо выводить жирорастворителем. То же самое происходит с нашим единственным и неповторимым мозгом.

Миф 4. Есть тяжелые и легкие наркотики. Если у вас к чему-либо развивается зависимость, не надо придумывать себе отговорки. Допустим, вам понравились оливки. Теперь при каждом удобном случае вы выставляете их на стол. То же самое касается мороженого, шоколада, кофе, табака. Согласитесь, никого не надо отучать от рыбьего жира. А зависимость тем и характерна, что она никогда не стоит на месте. Она растет не по дням, а по часам. Все сторчавшиеся наркоманы не родились таковыми, они просто считали себя умнее всех. Они были уверены, что будут нюхать героин или кокаин один раз в месяц. Но наркотики умеют ждать, и через некоторое время, как водится, приходится колоться пять раз в день.

Миф 5. Если отказаться от наркотиков, жизнь станет тусклой и серой. Все это сказки для молодых наркоманов, у которых еще вены не протухли, а родительские кошельки не опустели. Всю ту энергию, которую эти люди тратят на поиски новой дозы, им будет не хватать всю оставшуюся жизнь. Наркоманы со стажем уже не приход ловят, им нужно уколиться, чтобы найти в себе силы почистить зубы или завязать шнурки. Наркомания и алкоголизм – единственные заболевания, где прогноз с каждым годом лучше. То есть при других заболеваниях все хуже, а здесь все лучше.

Ну, теперь можно и позавтракать. Ничего не скажешь – заслужил. Только я потянулся за бутерами, как что-то торкнуло меня в затылок. А достаточно ли доходчиво я донес свои мысли? А не упустил ли что-нибудь самое важное? Я снова схватился за горячую ручку.

Ох, и дурят нашего брата

Бытует вредное мнение: пока сам больной не захочет, ничто ему не поможет. Пока, дескать, он сам не созреет, бесполезно даже пытаться его лечить. Чушь!!! Сидите и ждите, пока он созреет. Ждать придется долго, а он будет морочить вам голову, типа, подождите, я еще не созрел. Не готов морально. А знаете, когда он завяжет? Когда в нем проснется совесть? Нет. Когда просветление коснется его потного лба? Нет. Когда любовь осенит его своими крылами? Нет, нет и нет. Он завяжет, когда его в первый раз прихватит со здоровьем. Даже легкая аритмия способна сделать из отпетого пьяницы примерного семьянина. Выглядит это так. Мужик просыпается среди ночи, а у него совсем не бьется сердце. (Ясное дело, все происходит с глубокого похмелья.) Он лежит тихий и смирный, а сердце не стучит. То есть вообще не бьется. Мужик в полном сознании считает секунды, а подлое сердце не стучает, сволочь такая. Этот дядя сроду не знал, где у него располагается данный орган, только догадывался, что где-то слева. И вдруг тишина. Мужик уже кончается, делает робкий вдох, сердце ударит и вновь замолчит, стукнет и затихнет, долбанет и снова замрет. После таких сердечных приступов его от алкоголизма и лечить не надо, он уже сам вылечился. А потому что припекло. А потом начинают придумываться всякие умные причины, почему же он завязал. И никто никогда не признается, за редким исключением. Так что не будем дурить волков наркологии и рассказывать сказульки о «собственном хотении». На 25-й кадр его, проходимца, на контент-терапию, чтобы ощутил быстротечность бытия, на подсознательном уровне понял, как коротка и прекрасна дарованная ему жизнь. Чтобы захотелось ему прожить подольше и получше, чтобы катком проехали по его подсознанию, подвергли его подкормку массажированной бомбардировке и нашел он себе другие радости помимо бухла. А знаете, что самое страшное, когда человек бросает пить? Он не знает, чем занять свободное время...

В кабинет постучали. Ё мое, сменщик пришел. На пороге ординаторской стоял Димон Соловьев, двадцатипятилетний оболтус с сигаретой в зубах.

– Чего, Андреич, оперу пишешь?

– Оперу. Дима, ты в курсе, что врач-нарколог не должен курить?

– С какого банана?

– Не профессионально. Знаешь, в свое время Хрущев озаботился своей лысиной и собрал всех академиков по этому вопросу. Они сидят, его ждут, к докладу готовятся. А он их увидел, развернулся и собрался уруливать. Они ему: «Куда вы, дорогой Никита Сергеевич?» А он им: «Вы самые лысые, как коленка, какой от вас может быть толк».

– И после этих слов я должен бросить курить?

– Я же в свое время бросил. Одна процедура контент-терапии – и ты вступишь в наши доблестные ряды.

– Алкоголизм, наркомания и табакокурение не лечится, – отмахнулся Диман.

– Мы живем в мире дурацких стереотипов! – взревел я неожиданно громко после бессонной ночи и закатил целую лекцию: – Допустим, ты знаешь, что страусы никогда не прячут голову в песок? Никогда. Это чья-то шутка, растиражированная по всему свету и ставшая абсолютной истиной. А страусы даже спят с высоко поднятой головой. Так и в нашей жизни масса идиотских штампов, которые мешают воспринимать алкоголизм как заурядную болезнь. Не дурь, не слабую волю, не черный сглаз и обстоятельства судьбы, а болезнь, которую можно и нужно лечить. Лечить дипломированными врачам, а не всяким экстрасенсам и знахарям. И сразу договориться об одном: влечения к алкоголю НЕТ! Его просто не существует, как летающих тарелок и снежного человека. Нет, и все. Влечение к алкоголю

появляется после первого глотка. То есть до первого глотка болезни нет. И говорить постоянно о таком влечении – то же самое, что обильно перчить пищу больному язвенной болезнью желудка и пить крепкий кофе по десять чашек при гипертонии. Самый простой способ снять влечение – плотно поесть. Налопаться – как удав. Отвалиться от стола и с неприязнью смотреть на водку. Если договориться, что алкоголь – дешевая энергия, а организм – всего лишь топка, тогда все встает на свои места. **Чем больше съешь, тем меньше выпьешь, и наоборот.** На празднике в семейном кругу, когда много закуски, водка остается, она просто не лезет. А в гаражах, когда две конфетки на троих, десять раз в ларек будут за водкой бегать. Во время запоев совершенно пропадает аппетит. Пьющего человека за столом сразу видно, он никогда не закусывает, он на другом виде энергии. И если внушить человеку, что все дело в еде, то дело наполовину сделано. Если втемяшить ему в голову, что **при виде спиртного нужно плотно поесть**, то мы научно подходим к проблеме, а не абы как. Логично? Что такое моя программа с 25-м кадром? Ковровая бомбардировка подсознания простыми, но действенными советами. Принцип повторения лежит в основе любой рекламы. Если с утра до вечера гонять рекламу пива, то народ будет пить пиво и никуда не денется, что мы сейчас и наблюдаем. Мне одна женщина на полном серьезе говорит: «А я рекламе не поддаюсь. Я купила бутылку разрекламированного пива, сделала глоток и выкинула. Оно мне не понравилось». Наивная женщина, она могла даже глотка не делать, а сразу его выкидывать. Это как раз неважно. Главное, что она это пиво купила, потратила свои кровные, а дальше делает с ним все, что хочет. Вот и в программе со скрытыми вставками повторяется несколько простых истин: выпью спиртное – стошнит, алкоголь мне отвратителен, от спиртного одни неприятности, пора завязывать, мой организм противится принимать алкоголь...

– Меня-то хоть не грузи, – заерепенился Соловьев, – вас, старых говорунов, хлебом не корми, только дай аудиторию. А мне еще утренний обход делать.

– Слушай, оглоед, умных людей. Почему я встречаю пациентов, по пять раз делавших себе препарат «Торпедо» и не знающих принцип его действия? Почему никто из них не знает формулу пьянства? Все из-за таких, как ты, молчунов. Слушай, запоминай и расскажи другим. На Западе есть такое понятие Soshial drinking. То есть при принятии на работу человек говорит, что он контролирует принятие спиртного, может поддержать компанию, участвовать в корпоративных вечеринках, «знает норму», как у нас говорят. Или честно заявляет, что у него проблемы со спиртным. Тогда, ясное дело, хорошая работа ему не светит. Поэтому дураков нет делать такие заявления. Но всегда есть возможность пройти лечение от алкогольной зависимости. И там это не считается чем-то постыдным и зазорным. В России же все шифруются как партизаны, а зря. Позвонить же можно? Тем более анонимно. Появилось, как говорят наркологи, «дребезжание», позвони, не откладывая в долгий ящик, проконсультируйся со специалистом, не решай проблему сам. Не надо.

Тут я схватил салфетку и начал на ней выводить свою любимую формулу:

Формула пьянства:

C_2H_5OH — $CHON$
(спирт) (ацетальдегид)

CO_2 (углекислый газ)

H_2O (вода)

– Вот этот ацетальдегид и дает похмелье. Спирт сам по себе не токсичен. Токсичен ацетальдегид. Человек поддал водки, ему хорошо и забавно. А наутро ему плохо, это вред-

ный ацетальдегид отравляет похмельной головушке жизнь. Бедолагу тошнит, голова трещит, слабость, потливость. Первый вариант: опохмелиться и перевести ацетальдегид обратно в спирт. И опять все замечательно и превосходно. На какое-то время. А потом скотина ацетальдегид опять дает о себе знать, и, как в России говорят, «похмелка та же пьянка». Второй вариант: ждать, пока ацетальдегид полностью не распадется. И вот бедняга бродит по квартире, пьет жадно воду, прислоняется пылающим лбом к холодной плитке. Глядишь, к обеду отпустило. Это ацетальдегид распался. Так вот, у русских ацетальдегид в среднем распадается через восемь-десять часов. А у басков – сорок минут. А у кавказцев – два часа. А у чукчей, эскимосов, эвенков, алеутов – шестнадцать суток. Поэтому законодательно запрещено продавать северным народам спиртное. Они за огненную воду все отдадут. Хотя виноват в этом всего лишь недостаток ферментов. А у басков ни один случай алкоголизма не зафиксирован. Потому что у них ферментов много. Северным народам нужно быть очень осторожными со спиртным. Сознательно урезать употребление спиртного, чтобы не приучить организм к дешевой энергии. Потому что если подсел на другой вид энергии, тогда труба – запой неизбежны...

– Андреич, тебе говорили, что ты иногда становишься невыносим, – перебил меня Диман и полез в шкаф за халатом и сменной обувью.

– Я что, не прав?

Соловьев, ни слова не говоря, пошел курить. А я, чувствуя в себе запас неистраченных сил, устремился в первую же палату. Там Степаныч, директор крупного предприятия, только-только продрал глаза и, стоя в семейных трусах, готовился к водным процедурам. Он-то мне и попал под горячую руку. Степаныч был широко известен тем, что постоянно «срывался» раньше положенного срока, его выхаживали в реанимации, возвращали с того света, но он продолжал играть в русскую рулетку с эспералью и биностином.

– А вот, пожалуйста, экспериментатор! – стал разоряться я. – А дайте-ка я попробую, что будет, если выпью?! А будет одно и то же: капля дешевой энергии, попадая в организм, заводит процесс на уровне клетки. Организм переключается на дешевую энергию, и получаем недельный запой, а может, двухнедельный, а может, даже и трехмесячный. Это зависит, насколько у развязавшего хватает здоровья, денег и терпения окружающих. Теперь о лекарствах. Вам вводятся препараты, которые, вступая в реакцию с алкоголем, дают уже нам знакомый ацетальдегид, только в концентрации в пять, десять, двадцать раз больше, чем с самого крутого похмелья. Вот и все. Вся наркология держится на этой реакции. Чтобы препарат, вступая в реакцию с алкоголем, давал ядовитый ацетальдегид. И никаких чудес. Как антибиотиков миллион, суть одна и та же: плесень пожирает бактерии. Так и здесь: тетурам, дисульфам, Торпедо, эспераль, колме, фаргилен, биностин, налонг... вступая в реакцию с алкоголем, дают токсичный ацетальдегид. А вы с упорством, достойным лучшего применения, на этих препаратах пьете, сажая печень и почки. Да еще бахвалитесь, какие вы крепкие, а все препараты «туфта и обманство». Только потом замечаете, что похмелье стало более тяжелым и выходить из запоев все сложнее. Дурашки, от ацетальдегида еще никто не ушел. Вы пользуетесь сотовыми телефонами, торчите в Интернете, считаете себя умными, но так глупо и бездарно разбазариваете свое здоровье. Ау, мужики, кроме вас на самом деле никто не страдает. Жена вас привела, но препарат вводят вам.

Доктор честно вас предупредил и взял расписку. Но своим здоровьем в случае употребления алкоголя рискуете только вы.

Спрашиваю: «Зачем пробовал?»

Отвечает: «Я экспериментатор».

Спрашиваю: «Машина есть, экспериментатор?»

Отвечает: «Есть».

Говорю: «Залей в бензобак воды, экспериментатор. Может, поедет. И не надо на бензин тратиться. И не надо в очереди на бензоколонке стоять».

Отвечает: «Я не дурак машину гробить».

Говорю: «Нет, ты очень умный. Машину тебе жалко, а себя нет. Машина, тьфу, железка какая-то. А ты свою печень, свои почки и другие собственные органы под монастырь подводишь. Заметь, находясь в ясном уме и твердой памяти».

Пыхтит, экспериментатор, думает. Потом выдает: «Да что же мне раньше никто этого не говорил?»

Отвечаю: «Говорили тысячу раз. Предупреждали тебя, не экспериментировать со своим здоровьем, не торопиться на тот свет».

Степаныч, с опаской поглядывая на меня, схватил полотенце и юркнул в санузел. Да, весело утро начинается, еще девяти утра нет, а я уже разнес всех по кочкам, осталось только медсестрам разгон устроить. Я вернулся в ординаторскую, сложил кипу исписанных листов и призадумался. А может, мне нужно облечь свое повествование в более литературную форму? Может, нужно задать настоящего жару, чтобы до читателей дошло, с какой же заразой они имеют дело? Чтобы смех чередовался со слезами, чтобы сердце подкатывало под горло и чтобы призадумались они над своей пропащей жизнью. Все, приду домой и сразу же достану с антресолей свои старые рассказы, пьесы и сказки. Написаны они легко и весело, читаются в один присест, но имеют мощнейший терапевтический эффект.

Запой

Валера Анисимов выпил пива с утра – и ему захорошело. Потом, стоя на балконе, выкурил сигареточку, поплевал на сонные липы и вернулся на вылизанную кухню. Подумал и взял из холодильника вторую бутылку «Балтики», она пошла еще лучше. Валерец вдруг ощутил вертикальный, душевный взлет, жизнь мгновенно стала томительно прекрасной. Дочка растет, приносит из школы одни пятерки и даже записалась в кружок художественной гимнастики. Жена устроилась бухгалтером в крепкую фирму, работой вроде довольна и пилит его все реже и реже. А он вообще красавец. В фирме по установке бронированных дверей его ценят, всегда идут навстречу, и с начальником он вась-вась. Хозяин, конечно, молодой, борзый, но все-таки прислушивается к советам опытных мастеров и зря не бычит. Пивко уютно плескалось в желудке, посылая живительные импульсы в мозг и раскрашивая кухонную мебель под красное дерево. Валера помечтал, как через месяц он возьмет отпуск и с женой и дочкой поедет в Анапу. Супруга будет довольна, да и доче не помешает поднабраться здоровья перед новым учебным годом. Хорошо. В квартире тихо, жена с дочуркой крепко спят, за окнами середина мая, отражающаяся в прозрачном субботнем утре. Позавтракать, что ли? Не хочется. Анисимов с гордостью посмотрел на отремонтированную кухню. Хорошо. Плитка лежит одна к одной, новый холодильник сыто урчит, из крана не капает. А почему не капает? А потому что Валера не стал жаться и поменял еще советский кран на немецкий. Не на какое-нибудь дешевое китайское дерьмо, а на самый настоящий немецкий. Анисимов любовно погладил хромированный гусак. Открыл вентиль с горячей водой, открыл с холодной, кран работал как часы. Лепота. Когда-то Анисимов страшно пил, страшно. Жена с дочкой были всегда зареванные, голодные, а кухня напоминала помойку времен военного коммунизма. Но год назад Валерец взял себя в руки, сдался наркологу – и вот результат. Он ласково окинул взглядом новый итальянский плафон, испанский выключатель и не удержался, несколько раз им пощелкал. Свет загорался и гас с точностью секундомера. А раньше нужно было по десять раз на выключатель нажимать, иногда даже током било. Анисимов заботливо сдул несуществующие пылинки с кухонного стола и в который раз поточил ножи. «Каков нож, таков и хозяин», – подлизываясь, подумал он о себе и вышел на балкон покурить. На скамейке тусовалась его прежняя компания: вон Юрка Афган, вон Леха Кубарек, вон Лохмач и Курнак. Надо же, даже Ирка из третьего подъезда нарисовалась. Валера почувствовал неудержимое желание спуститься к бывшим друзьям и похвастаться своими успехами. Последний год он обегал их за километр, не желая видеть пьяные, опухшие рожи и давать в долг, зная, что можно попрощаться с этими деньгами навсегда. Местные алкозавры выворачивали тощие карманы, собирая на опохмелку. Денег, конечно, не хватало, и все раздраженно переругивались, обвиняя друг друга во вчерашнем мотовстве. «Вот сейчас спущусь и добавлю, – лихо решил Анисимов, – они такие не ждут, а я раз, и тут как тут, с деньгами». Внутренний голос осторожно царапнул отточенным коготком, мол, не надо бы к ним ходить, не надо бы искушать судьбу. Но утреннее пиво служило отличной броней от возмутительных посягательств на Валерину личную жизнь. Тем более что Анисимов был на 500 % уверен, что выпьет с дружбанами одну бутылочку пивка, немного потрындит за жизнь и вернется пылесосить квартиру. Он вытащил из серванта десять купюр по пятьсот рублей, перетянул резинкой и посеял на улицу.

– Здорово, мужики! – бодро выкрикнул Валерец, выходя из подъезда. – Привет, Ирунчик. Денег, что ли, не хватает?

– Так добавь, – прежние собутыльники недоверчиво посмотрели на розовощекого, гладкого Валеру.

– Пятсот хватит? – Анисимов небрежно достал из кармана пачку кредиток и отслюнил одну.

– Выше крыши, – Лохмач цапнул пятихатку и порысил в магазин.

– Развязал? – опухшая с похмелья Ирка одним глазом посмотрела на бывшего ухажера.

– Да нет, – снисходительно улыбнулся Валерец, – одна бутылка пива – и баста. Я норму знаю.

– А раньше не знал, – уколола Ирка.

– Раньше у меня силы воли не было, а теперь есть, – рассердился Анисимов.

Испитая Ириша вызывала у него раздражение пополам с жалостью. Когда-то они учились в одном классе и некоторое время даже женихались. «Совсем спилась, кошелка, – подумал он зло про одноклассницу, – еще и наезжает, синячок».

– А что ты на меня одним глазом смотришь? – спросил он Иришку, заранее зная ответ.

– Если открою второй – голова расколется, – хрипло рассмеялась бывшая одноклассница.

– Ничего, сейчас поправишься.

Глаза компании зажглись селедочным блеском, а губы залоснились, предчувствуя конец утренним страданиям. Из-за угла показался жизнерадостный Лохмач. По дороге он уже размялся пивком и чувствовал себя Айболитом, спешащим на помощь прихворнувшим зверятам. Афган принялся разливать, а Курнак вскрывать банку с маринованными огурцами и бить по рукам самых нетерпеливых.

– Анисим, водку будешь? – Афган застыл с водкой над пустым стаканчиком.

– Не, я только бутылку пива выпью и домой.

– Посмотрим, – каркнула Ирка.

– Сказал бутылку, значит, бутылку, – отрезал Анисимов и звонко чпокнул пробкой.

– А руки-то помнят, – ухмыльнулся Кубарек.

– Мастерство не пропьешь, – откликнулся Лохмач.

– Как же ты развязал-то? – опять пристала Ириша.

– Да не развязывал я, – возмутился Анисимов, – я на год кодировался. Год прошел. Ну и все. Теперь у меня в холодильнике всегда будет стоять пиво. Раз в месяц выпью бутылочку, и хорош.

– Скажи еще, что ты от водовки откажешься? – язвительно улыбнулась Иринка.

– Да замолчи ты, инфекция, – вскипел Валерец и на правах угощающего процедил: – Афган, этой эпилепсии не наливай.

Ирка испугано заткнулась, Анисимов принялся солидно прихлебывать пиво, а оставшаяся компания принялась спешно «поправляться». Сильно пьющих субъектов легко отличить в такие минуты. Если малопьющие морщатся и скукоживаются от первых глотков водки, ежятся и зябко передергивают плечами, то испытанные бойцы пьют горькую, как самый сладкий мед. Ведь они, болезные, не пьют, они, родимые, похмеляются, судорожно всасывая каждую каплю живительной влаги. Через пяток секунд водка прижилась, ханыги облегченно выдохнули и принялись деликатно хрустеть маринованными огурцами и закуривать.

– По второй, что ли? – хрипло предложил Афган.

– По второй, – закивали мужики.

– А мне? – На Ирку было страшно смотреть.

– Тебе наливать не велено, – пожал плечами Афган.

– Ну, Валерик, ну, пожалуйста, – Ирка умоляюще уставилась на Анисима.

– Пусть на колени встанет, – предложил Лохмач, – а то язык совсем без костей, много звездит и все не по делу.

– Налей ей, Афган, – щедро махнул рукой Валера, – я сегодня добрый.

– А коли добрый, дай еще на пузырь, – прохрипел Афган.

– Хорошенького помаленьку, – покачал головой Анисимов, добывая пиво и собираясь домой.

– Куда ты? – удивился Лохмач.

– У меня дела.

– Какие дела в выходной? – рассмеялся Курнак. – Жена, что ли, припахала? Им, женам, хорошо, когда мужики закодированные, только знай командуй. Мякиш ты, Анисим. Насекомить по хозяйству небось будешь?

– Не, я хотел футбол посмотреть, – неубедительно соврал Валера.

– Футбол вечером посмотришь, – Лохмач втихую подмигнул Афгану, покопался в пакете, и Анисимов сам не заметил, как в его руке оказалась открытая бутылка пива. Не выливать же.

– Ну, за оставшееся здоровье, – прохрипел Афган, – вздрогнули.

– Накатим жидкого счастья, – дурашливо поддержал Лохмач.

Все чокнулись и опрокинули в себя порцию «жидкого счастья». Потом Анисимов с удивлением обнаружил, что у него в руке уже стаканчик с водкой и до понедельника он совершенно свободен. Какой пылесос, когда вокруг такие верные друзья и бесподобно красивая женщина, когда денег полные карманы, а впереди два выходных? Дальше пошли какие-то обрывки. Вот он достает из кармана деньги, перетянутые резинкой, и ловит на себе недобрый взгляд Афгана... Вот просыпается в чьей-то комнате, рядом лежит совершенно голая Ирка и страшно храпит... Вот он выдергивает прямо с проводами DVD и пытается вынести из своей квартиры. Дочка страшно кричит и виснет у него на руке, он отшвыривает ее к двери, переступает и спешит на улицу... Вот его за что-то буцкают ногами Афган с Кубарьком. Он лежит возле стены и пытается удержать бутылку бормотухи, но друзья все-таки отнимают ее и на прощание метелят с новой силой... Вот он роется в кухонных шкафчиках на своей кухне в поисках денег и находит заначку. Жена отталкивает его и что-то кричит про несостоявшийся отпуск и потерю им человеческого облика. Тогда он кидает в нее кастрюлю с борщом. Кастрюля ударяется о холодильник и катится по плиточному полу с противным металлическим скрежетом, разбрызгивая во все стороны фиолетовую жидкость с маслянистыми пятнами. Он пытается убежать с деньгами из кухни, поскользывается, падает и весь в противной масляной жиже ползет по коридору на лестничную клетку... Они вдвоем с Лохмачом ржут и мочатся в урну в детском скверике средь белого дня, а мимо идет его бывшая классная руководительница со своей внучкой...

Анисимов захотел пить и открыл глаза. За окном рябил ранний рассвет, похожий на экран телевизора, когда все программы уже подошли к концу. Где бы он мог быть? Глаза узнали очертания родной кухни, оказывается, он спал сидя на кухонной табуретке, положив голову на стол. Валера на ощупь отыскал стакан и подошел к своему немецкому крану. Крана на месте не было. Анисимов устремился к испанскому выключателю, чтобы при электрическом свете разобраться в тяжести нанесенных его кухне потерь. Свет зажегся, но Валерца шарахнуло током так, что он мгновенно протрезвел. Кухня опять напоминала помойку времен военного коммунизма: холодильника не было, крана не было, вместо плафона свисала маленькая, золотушная лампочка, а от выключателя остался один рычажок. На столе ножом было нацарапано «Афган – кызел», а в радиусе трех метров не осталось ни одной целой плитки, как будто в его кухню угодил Тунгусский метеорит. Анисимов побоялся идти в комнату, чтобы не нарваться на жену и дочку, и на цыпочках отправился в коридор, посмотреть, какое сегодня число. Фу, слава богу, только двадцатое, а он-то думал... Тут взгляд Валеры упал на месяц еженедельника, и его сердце со свистом ухнуло в малый таз – на календаре значился сентябрь. Его запой длился больше трех месяцев. Анисимов скомкал рубаху на груди и закусил ее со всей силой, на которую был только способен, иначе он закричал бы

так, что его аорта с шипением лопнула от ужаса предстоящей расплаты и бремени невыносимого стыда. Но больше всего ему было жаль кухни.

Драгоценная сумка

Мишка Пантелеймонов сидел перед наркологом, сухоньким старичком в старомодных очках, и ломался, как пряник.

– Вы знаете, доктор, я пока не созрел, – вилял несознательный Мишаня, готовясь парировать любой врачебный довод.

– Нет так нет, – не стал спорить доктор, – не смею вас больше задерживать.

Пантелеймонову стало немного обидно за такую легкую победу, он полночи проворочался, подыскивая убедительные аргументы.

– Ну, посудите сами, – начал выкаблучивать Мишка, – я могу пить, могу не пить.

– Могу копать, могу не копать, – эхом откликнулся старичок.

– Пока сам человек не захочет, – продолжил кочевряжиться Пантелеймонов, – его никто не вылечит. Разве не так?

– Если сидеть и ждать, пока вы сами захотите, – возразил доктор, – вы всех домочадцев под корень вырежете.

– Я целых три года не употреблял, – Мишаня легонько ударил себя кулаком в грудь, – имею право разговеться. Разве не так?

Доктор пожал плечами. Мишка ударил себя сильнее:

– Срок кодировки истек еще в июне, а уже август. Что, я не могу пару кружек пива выпить?

– Кабы вы парой кружек ограничивались, – развел руками нарколог, – тогда бы в наркологических центрах корм для рыбок продавали. Беда не в том, что вы пьете, проблема в том, что повторяете.

– У меня все под контролем, – Михаил побагровел, выпучил глаза и стал напоминать хрестоматийного рака.

– Мишенька, может, все-таки зашьешься? – вступила в разговор забитая жена. – На пару годков, а?

– Не серди меня! – взвыл Пантелеймонов, свирепо вращая глазами и брызгая слюной. – У меня через месяц юбилей. Что мне, тридцатник газировкой, что ли, отмечать? Отпраздную, как человек, тогда и поговорим.

– Хозяин – барин, – не стал настаивать старичок, – последний вопрос. А почему три года назад вы решили закодироваться?

– Он тогда портфель со всеми документами потерял, – влезла жена Нина.

– Замолчи уже! – взвился Пантелеймонов. – Не с тобой разговаривают!

– Так, значит, причиной обращения к наркологу в прошлый раз стала потеря портфеля в состоянии алкогольного опьянения, – ухватился за тему старичок, – что делать, водка дарит море радости и океан печали.

– Это вы к тому, что все неприятности случаются по пьяной лавочке? – включил дурака Пантелеймонов.

– Именно, – скорбно кивнул нарколог.

– У меня все под контролем, – упрямо повторил Мишка и в два прыжка выскочил из кабинета.

Супруга нагнала Пантелеймонова только на светофоре.

– Мишенька, а может, закодируешься, – затянула она опостылевшую песню, – вспомни, как хорошо три года было.

– Тебе было хорошо, – уточнил Мишаня, – а мне было плохо. Все бухают, как люди, а я типа ущербный. Алкоголика тоже мне нашла. Почему это тебе можно на Новый год тяпнуть, а мне нельзя?

– Ты, Миш, пить не умеешь, – робко заметила вторая половина.

– Ага, а ты умеешь?! – заблажил на весь перекресток оскорбленный Мишка. – А кто в прошлый раз унитаз пугал?

– Ну, хочешь, вместе закодируемся? – предложила Нина.

– Шла бы ты, Нинуля, лесом, – закипятился Пантелеймонов, – тридцатник отмечу, к бабушке не ходить. А дальше посмотрим.

– А до юбилея не будешь? – с надеждой спросила супруга.

– Нет, – отрезал он, – не буду.

Мишка лукавил. Как раз сегодня на работе намечался очередной корпоративчик, на котором Пантелеймонов собирался выступать в качестве основного, а не запасного игрока. Его измученная трехгодичным воздержанием душа томилась и пела, предчувствуя немыслимые взлеты и неожиданные озарения, благие порывы и незапятнанные восторги. Волна эйфории мягко подхватывала еще трезвого Михаила и нежно несла на своем гребне к вершинам блаженства...

– Миш, ты меня слушаешь? – в сладкие грезы вклинилась жена со своими копеечными проблемами.

– Слушаю, слушаю, – отмахнулся Пантелеймонов.

– Возьмешь мои документы?

– Какие документы?

– Ну вот, – расстроилась Нинуля, – вечно ты меня не слушаешь. Я сейчас иду на ночное дежурство. У меня с собой паспорт, диплом, сертификаты об окончании ординатуры и курсов повышения квалификации. Отнесешь домой?

– Отнесу.

– Смотри, не потеряй. Диплом восстановлению не подлежит.

– Не потеряю. За каким чертом ты все эти документы носишь?

– Я же тебе говорила. У нас перерегистрация фирмы, из отдела кадров девчонки попросили.

– Давай быстрее перекладывай в мою сумку, – поторопил Мишка, изнемогая от медлительности супруги, – у меня на работе запарка, конец месяца. Самое время по наркологам шлындать.

Пантелеймонов приземлился прямо за праздничный стол, пьянка была в самом разгаре, и он принялся наверстывать упущенное. С закуской, правда, была напряженка, зато водка лилась рекой.

– Мих Мих, иди сюда, – звучало со всех сторон, – дай-ка мы с тобой выпьем, бедолага. Это ж надо – целых три года обсыхал.

Михаила обступали уже «тепленькие» сотрудники, вкладывали ему в руку пластиковый стаканчик с водкой и после принятия интересовались:

– Ну как, хорошо пошла?

– Хорошо, – восторженно кивал Мишаня.

– Дурак ты был, что три года не киял.

– Дурак, – со вздохом соглашался Пантелеймонов.

– Больше так не делай.

– Не буду, – радостно обещал Мишка.

– Вот и не делай! – с пьяной настойчивостью гаркнул Авдеев, его непосредственный начальник. –

Русский человек болезненнее всего переносит здоровый образ жизни.

– Гы, гы, гы. Это звучит как тост, – заржали сослуживцы.

Все накатили в очередной раз порядочную порцию водки.

– Слушайте сюда, бакланы, – рявкнул Авдеев, – в коллектив нужно вливаться через горлышко. А кто не курит и не пьет, тот на органы пойдет.

– Гы, гы, гы, – опять зашлись клерки, – нам это точно не грозит. Жизнь не нужно растягивать, жизнь нужно заполнять.

За этот девиз махнули еще по стаканчику.

– Выпьем за то, чтобы у нас было так много денег, чтобы мы могли прятать между ними книги, – воткнул Пантелеймонов давно заготовленный тост.

– Гы, гы, гы, – расплескивая водку, легла на стулья раскрасневшаяся офисная пехота.

Пантелеймонова уже с непривычки штормило, но он бодрился и не просквозил ни одного тоста. На улицу вывалили шумной ватагой, ощущая себя дружной семьей, перекурили и двинули к метро.

– А может, по пиву? – предложил Авдеев.

– По нему, родимому, – поддержали пара самых стойких и, конечно, Михаил.

Остальные сослуживцы тихо рассосались по метро и наземному транспорту. Два наклюкавшихся пехотинца приняли на грудь по бутылке пива и тоже растворились в недрах метрополитена. На скамейке остались только Мишка со своим начальником.

– Слушай, Миха, – Авдеев взял Пантелеймонова за плечо, – у меня к тебе просьба.

– Я весь внимание, – встрепенулся осовевший Мишка.

– Будь другом, возьми у меня документы. Что-то я сегодня наковырялся, а мне еще в Подмоскowie добираться.

– Не вопрос.

– Только не потеряй, а то тебя шеф в асфальт закатает.

– У меня все под контролем.

– Пантелеймон, поответственной. Там вся кассовая документация и два его паспорта, общегражданский и иностранный.

– У меня тоже тут два паспорта, – Пантелеймонов гордо потряс своей сумкой и принялся загибать пальцы, – а также ноутбук, водительские права, ключи от дома и гаража, сотовый телефон, не говоря о документах жены. Слышь, у меня даже ее диплом, а дипломы не восстанавливают.

– А ты не боишься все документы в одной сумке таскать?

– Чего бояться? Мне две остановки на метро, тридцать шагов, и я уже дома.

– Тогда держи.

Авдеев переложил толстую папку в сумку Мишки, махнул рукой и пошел на трамвайную остановку. Пантелеймонов подышал ночным воздухом, посмотрел на далекие звезды и взял еще одно пиво. К нему подошел какой-то мужик и попросил закурить, разговорились.

Оказалось, мужчина тоже болеет за ЦСКА...

Мишка проснулся как от толчка. Где сумка? Он опустил ноги на землю и тут только обнаружил, что провел ночь на скамейке в незнакомом парке. Мишаня обежал скамейку, тупо посмотрел под ней. Сумки не было. Внутри Пантелеймонова начала разрастаться вакуумная пустота, как будто из него разом откачали весь воздух. Черная дыра подребезжала, подребезжала в области груди и свалилась. Сразу стало томно и гулко внизу живота, захотелось сходить по-большому и по-маленькому одновременно. Чтобы не закричать от животного ужаса, Мишка стал бегать вокруг ближайших деревьев, заглядывая под стволы в поисках драгоценной сумки. Сумки, естественно, не было. Мишаня стал нарезать круги, увеличивая радиус поисков, подобно спутнику, слетевшему с орбиты. Сумкой и не пахло. Тогда Пантелеймонов прыгающими руками начал обыскивать свои карманы, вдруг там хоть что-нибудь завалилось. Дрожащими пальцами он нащупал два картонных прямоугольника, оказавшимися талоном на одну поездку в метро и календариком на текущий год. Мишка с воплем рухнул на траву, обогренную утренней росой. Восходящее солнце загло каждую

росинку, и казалось, Пантелеймонов поживает на пурпурном ковре. В другое время и при других обстоятельствах он бы подивился красотам природы, но сейчас Мишке казалось, что под ним горит земля. Сумки нигде не было и не могло быть. Она навсегда утеряна или, скорее, украдена случайным знакомым. В ней были: вся кассовая документация, два паспорта шефа, паспорт его и жены, водительские права, ключи от дома и гаража, ноутбук, сотовый телефон, диплом жены, сертификаты о повышении квалификации. И теперь все это утрачено на веки веков. Мишка встал, утер выступившие слезы и принялся решительно расстегивать ремень. «Повешусь, – твердо решил он, – другого выхода нет». Ремень змеей выскользнул из тренчиков и заплясал в Мишкиных руках, превращаясь в петлю, но просторные брюки, оставшись без поддержки, сползли на ботинки. Пантелеймонов посмотрел на свои посиневшие, беззащитные коленки и представил, как он будет болтаться на дереве в одних трусах. Мишаня шмыгнул носом, опять засупонился и уныло побрел по парку, готовя себя к предстоящему кошмару. Навстречу бежали ретивые физкультурники, им не было никакого дела до Мишкиных проблем.

Корпоратив

Корпоратив – слово сугубо иностранное, занесенное к нам западным ветром в начале девяностых. До этого такие праздники величались торжественными мероприятиями к памяtnому дню. Женщины знают, что собираться на корпоратив нужно загодя. Это мужчинам легко – галстук надел, и нарядный. А дамам нужно успеть в дорогую парикмахерскую, купить элегантное платье и сделать сногсшибательный макияж. Чтобы другие женщины обалдели и обзавидовались, а вот мужики, сволочи, никогда не смотрят на наряды дам, они глядят на стол: чего бы такого там выпить и подзакусить. Но это так, предыстория. Короче. Витек Половинкин недавно вернулся из армии, устроился курьером в аптечный холдинг и страстно намеревался выбиться в люди. На первом же тренинге ему железно пообещали три вещи: обучить его владеть своей судьбой, помочь в продвижении по служебной лестнице и рассказать, что делать, чтобы хозяин фармацевтической корпорации завещал ему свой бизнес. Витька потом целую неделю ходил под впечатлением от услышанного. Напрасно его мудрая, седая мама убеждала сына в обратном, мол, у хозяина есть свои дети и внуки. Зачем ему в преемники какой-то сомнительный Витек? Но начинающий карьерист и слышать ничего не хотел, он свято верил в свою счастливую звезду – через несколько лет он станет хозяином всей фармацевтической империи, и помешать ему смогут разве что бронетранспортеры. Половинкин принялся с жаром изучать офисный политех и взял к себе в наставники Никиту Сосунова, такого же курьера, но постарше и с нешуточными амбициями. А тут как раз и подоспел очередной корпоратив, он был для Вити Половинкина тем же, что и первый бал для Наташи Ростовской.

– Запомни, Виктор, – поучал матерый Никита, – на корпоративе главное – напоить другого, а самому остаться адекватным и вменяемым. А для этого нужно плотно закусывать. Жри как слон, как удав, мечи все подряд, но наш отдел не опозорь.

– А зачем других подпаивать? – хлопал глазами наивный Витек.

– Как зачем? Для веселья. До следующего корпоратива в конторе только и будет разговоров, что о чудилошках. Кто как нажрался, кто кого трахнул, кто какую пургу нес. Как говорится, дети, зачатые на корпоративе, автоматически становятся сотрудниками компании. А какие мы завтра увидим фотографии! – Сосунов мечтательно причмокнул.

– Как-то это не по-людски, – нахмурился Половинкин, – будто не со своими празднуешь, а с фашистами за одним столом сидишь.

– А ты не нажирайся как свинья, – пожал плечами Никита, – в рот еще никому насильно не заливали. На корпоративе чудилошки даром не проходят, из них делаются надлежащие выводы.

– Как же так можно, чтобы выпить да не почудить? – изумился Половинкин.

– Виктор, держи себя в руках, – предостерег его Сосунов, – корпоратив – место, где грамотные люди пьют, но не напиваются, едят, но не чавкают и смотрят, но не лапают. Понял?

– Да понял, понял, – Витек непослушными руками стал повязывать новый галстук.

Он пыхтел, потел и тихонько матерился, насилуя галстук добрые полчаса, но, в конце концов, запросил помощи у Сосунова.

– Никит, помоги. Не получается ничего.

– Хочешь сделать карьеру – учись завязывать галстук, – наставлял его старший товарищ, – и держись поближе к начальству. Упс-с-с. Чувствую, сегодня наша секретарша Лерочка окажется в моей койке, напою и оприходую, гадам буду. Спрашивается, можно ли залететь после бани? После бани – нет. После сауны можно, после корпоратива тоже. Ты там тоже не теряйся.

Никита предусмотрительно занял столик недалеко от руководящего состава, где сидели заведующий их отделом Владимир Васильевич Мордачев и его заместитель Евгений Сергеевич Чмырюк с женами. Сначала провели торжественную часть и зачитали фамилии самых отличившихся сотрудников, потом пожелали родной корпорации процветания и успеха и, наконец, подняли бокалы за самого дорогого человека на земле – их хозяина. Дальше каждый столик гулял сам по себе. Рядом с Никитой и Витьком сидела секретарша Лера, а также Верочка и Леночка, девчонки из их отдела слабительных и мочегонных препаратов.

– Здоровья, здоровья и еще раз денег, – зарядил первый тост светский лев Сосунов.

Все рассмеялись и махнули по рюмке водки. Потом еще и еще. Девчонки перешли на вино, принялись обсуждать наряды и прически жен начальников и сошлись, что они толстые коровы и одеты хотя и дорого, но крайне безвкусно. Сосунов сыпал анекдотами и прибаутками, как заправский массовик-затейник. Витек молчал, завидуя легкости друга, судорожно искал тему для разговора и, чтобы стать раскованней, потихоньку кирил водочку.

– Скажите, что вы сейчас читаете? – попытался он поддержать светский разговор.

Все посмотрели на него как на полного придурка.

– А я Булгакова перечитываю, – попытался придать себе весу Половинкин.

– Ва-а-а-ау, кто же читает такое старье, – фыркнула Лерочка.

– А вы что читаете? – Витек тяжелым, нетрезвым взглядом уставился на щебечущую Леру.

– А я читаю Оксану Робски, – буркнула секретарша.

– Ну и как, нравится? – Витек криво усмехнулся.

– Нравится, – отрезала Лерунчик.

За столом установилась нехорошая тишина. Витек чувствовал, что он все говорит не в лад, не попадал, но никак не мог взять нужного тона. Ну, не получалось у него легкой беседы, не выходило. Витек опять накатил себе водки. На помощь пришел как всегда Никита с очередным тостом.

– Когда пьешь – нужно знать меру. Иначе можно выпить меньше, – при этом он от души плеснул Лерусику мартини, а Половинкину шепнул: – Виктор, закусывай. Смотри, развезет.

– Какой закусывай. Я наливать-то не успеваю, – сострил порядком закосевший Половинкин.

Девчонки скривились. Никита, заглаживая неловкость, принялся хохмить: «Труд сделал из обезьяны человека, алкоголь вернул все на свои места». Все рассмеялись, а Витек щедро налил себе еще водки.

«Я вам всем покажу», – подумал, а потом и произнес вслух Половинкин.

– Что ты нам покажешь? – засмеялись за столиком.

– Мужской стриптиз, – отчаянно махнул стриженной головой Витек, пребывая в восторге от собственной идеи.

– Показывай, – расхохотались сослуживцы.

Половинкин скаканул сначала на стул, а потом и на стол. Бутылки, бокалы и тарелки посыпались вниз и разлетелись на осколки со звуком рухнувших сосулек. Витюха эротично расслабил галстук, водя узел влево и вправо, резким движением сдернул с шеи и, покрутив над головой, запулил на соседний столик.

– Уа-а-а-а-а! – взревели окружающие.

Половинкин, виляя бедрами, как падшая женщина, принялся расстегивать рубашку. Пуговица на рукаве никак не желала расстаться со своей петелькой, и Витек, не долго думая, рванул посильнее. Отлетевшая пуговица попала прямо в лоб Сосунову, и это вызвало новый приступ восторга у почтенной публики. Доморощенный стриптизер, молодецки посвистывая, начал крутить рубаху над головой. Верочка и Леночка дальновидно дрыгнули подальше

от опасного столика, Лерусик и Никита замешкались, о чем вскоре горько пожалели. Топчась и приплясывая, Витюха своротил бутылку вина и тарелку с салатом. Девушке достался, конечно, салат, а Никите, как и положено мужчине, красненькое, то есть Лере на колени рухнул весь оливье, а Сосунов с головы до ног оказался уделан красным вином.

– Совсем долбанулся?! – заорал вне себя Никита, но его никто не услышал – такой рев стоял в ресторане.

– Скотина, что ты наделал! – зарыдала Лерочка.

Но Витюхе было не до сантиментов, он крутил над головой свою рубашку, как пращу, и собирался эффектно запустить ее в зал. Рубаха взмыла вверх сизым голубем, а упала ясным соколом. И прямо на голову непосредственному начальнику Половинкина Евгению Сергеевичу Чмырюку, укутав его с головой. Ему это, кажется, не понравилось, но Витек, увлеченный процессом раздевания, не обратил ни малейшего внимания на такую мелочь. Три хорошеньких гусыни с соседнего столика в ужасе синхронно прикрыли рты ладошками. Половинкин им залихватски подмигнул и взялся за брючный ремень. Ремень, зараза такая, сразу не расстегивался, грозя смазать весь процесс мужского стриптиза. Между тем к Витюхе с разных сторон устремились недобрые официанты, не обладающие чувством юмора и бестактные по своей природе. Ремень наконец-то поддался и полетел в одного из блюдоносов. В другого Половинкин метко запустил зимним сапогом. Официанты залегли за стульями, дожидаясь перебоя с боеприпасами, а когда осмелились высунуться, второй сапог просвистел над ними, не позволив увидеть самого интересного: Витюша грациозно расстегнул пуговицу на брюках. Но потом Половинкин решил, что спешит, и застегнул ее обратно. В духе жесткой порнографии он сорвал носок с левой ноги и кинул его незамужним девушкам. Так невесты бросают букет своим залежалым подругам. Второй носок с криком: «На шарап!» стриптизер запустил на стол Чмырюку и Мордачеву. Начальники заматерились и пообещали уволить Половинкина сию же секунду. Витек захохотал над очевидным абсурдом такого предложения и, вдохновенно исполняя танец живота, завопил:

– Где ж вы еще найдете такого креативного пацанчика?

– Со спины заходи, – это официанты подняли свои головы.

Половинкин вновь завертелся на столе вокруг воображаемого шеста, давая понять, что врасплох его не застанешь. Настала томительная минута освобождения от порток. Половой агрессор расстегнул пуговицу и размашистым, молниеносным жестом отворил молнию. Так опытные хирурги привычным движением вскрывают брюшную полость, надеясь обнаружить воспаленный червеобразный отросток. А галдящие сослуживцы увидели зеленые трусы с желтыми черепами, купленными Половинкиным на вещевом рынке. Витек сексуально запрыгал на одной ноге, пытаясь избавиться от надоевшей брючины, и в это время официанты набросились на него всем скопом. Они неделикатно сбросили его со стола, как с подиума, на пол и принялись вязать полотенцами. «Прямо как поэта Бездомного вяжут», – подумал про себя Половинкин, и ему стало понятно, почему именно полотенца используют в ресторанах в качестве смиренного средства. Видимо, именно они всегда под рукой. Толпа сослуживцев сгрудилась возле Витьки, давая ценные советы, как правильно зафиксировать буйного посетителя. Волна кипящей ярости ударила Половинкину в затылок, и он почувствовал непреодолимое желание всех обличать.

– Жополизы! – загрохотал он на весь зал. – Подхалимы! Карьеристы! Холуи! Ненавижу!

– Молчи, дурак, – Сосунов брезгливо пнул ногой бывшего подшефного.

– И ты-ы-ы, Никита, предатель! И ты-ы-ы, лизоблюд!

Спеленутый как младенец и не имеющий возможности пошевелить даже пальцем, Половинкин, как ни странно, обрел невыразимую свободу духа. Такую свободу до этого он

ощущал единственный раз в своей жизни, когда по дикому недоразумению попал в медвытрезвитель.

– Вы все рабы лампы! Один я здесь свободный человек! А вы подлизы, корпоративное быдло!

– Обычно детей находят в капусте, а этого нашли в компосте, – Сосунов еще раз съездил ногой по ребрам поверженному Витюхе.

Витек затих на полу, раздавленный несовершенством этого мира.

На следующее утро Половинкин юркнул на свое рабочее место тихо как мышка. Целый час его никто не трогал, и Витек, озабоченно глядя в монитор невидящими глазами, уже надеялся, что его стриптиз и дальнейшее буйство останутся без последствий. Когда надежда стала крепнуть, на офисном горизонте возникла Лера и мстительно поманила его наманикюренным пальцем. Половинкин горестно вздохнул и посеменил на ковер к начальству. Два битых часа его возили мордой по столу в четыре руки и сыпали соль на открытые раны, припоминая в малейших подробностях вчерашние художества, но все-таки оставили до первого предупреждения. А потом передумали и все равно уволили.

Турникет на плаху

Леня Куприянов, конопатый двадцатипятилетний хлопец с оттопыренными ушами, продавец-консультант в магазине мужской одежды, уже пол года как не пил. Пойти сдать наркологу Леню заставил небольшой казус, приключившийся с ним на Старый Новый год. Отмечая всенародный праздник, работники магазина так назюзюкались, что покидали родной магазин в некотором помутнении, забывая мыть руки после туалета и выключать за собой свет. Но больше всех отличился Куприянов, он, несущий обязанность закрывать магазин и ставить на сигнализацию, нахрюкался так, что просто хлопнул дверью, упал в заказанное такси и убыл по направлению к родным и близким. А магазин с одиннадцати вечера и до десяти утра провел ночь открытых дверей, заходи и бери, что под руку попадет. Слава богу, все обошлось и никому не пришлось в голову взяться за дверную ручку. Утром похмельные работнички обнаружили незапертую дверь, вызвали милицию и настучали на Куприянова хронически недовольному хозяину. Леню в течение следующей недели не пинал только ленивый, хотя в магазине ничего не пропало, а все продавцы, включая хозяина, бухали наравне с Куприяновым. Поизмывавшись недельку над затюканным подчиненным, начальник придумал ему страшную казнь – закодировать Леню на год и без справки от нарколога на работу не допускать. Куприянов поник плечами, перекрестился и поплелся сдаваться наркологу.

Следующие полгода прошли под знаком полной и оголтелой трезвости. Ленину жизнь в двух словах можно было описать как занудный сериал с неизменным набором штампов. Теперь по будням он непринужденно чередовал дом с работой, а на выходные вместе с женой и тещей объезжал сетевые магазины, скупая, что надо и не надо. Поэтому, когда Куприянову позвонил его старый школьный друган Серега Ерохин и пригласил на свой день рождения, радости Лени не было границ.

– А ты точно там пить не будешь? – допрашивала Куприянова хмурая супруга.

– Точно.

– Серега кого хочешь уговорит, – беспокоилась жена, – знаю я его, баламута.

– Не уговорит.

– Смотри-и-и-и. Доктор советовал лишний раз по пьяным компаниям не шататься.

Но Леня не послушался мудрого совета и, прихватив подарок, укатил на подмосковную станцию Гривно отмечать день рождения своего одноклассника. Праздник протекал чинно и благородно, в присутствии супруги именинника, родителей именинника, а также родителей супруги именинника. Присутствующие восторгались решению Лени завязать со спиртным, ставили его в пример Сереге и желали новорожденному такой же трезвеннической доли. Куприянов пил свою газировку, слушал заплесневелые истины относительно распущенности современной молодежи и невероятно скучал. Ну разве это праздник? Вот на прошлом дне рождения Ерохи они дали джазу. Леха Сапрыкин, тоже их одноклассник, так наковырялся, что уснул в туалете. Да так крепко, что разбудить его смогли только под утро, и в туалет всем страждущим приходилось ходить к соседям.

– Все, – поднял руки Леня, – мне пора домой.

– Оставайтесь у нас, – гостеприимно предложила супруга Сереги, искренне надеясь на его отказ.

– Не, мне домой нужно, – упорствовал гость.

– Ну, домой так домой, – развели руками родственники и ударились в обсуждение передачи «Встать. Суд идет».

– Я провожу, – вызвался Серега и почему-то подмигнул Лене.

– Только недолго, – предупредили родственники, – давай, чтоб через полчаса, как штык.

– Куприяша теперь не пьет, – посетовал Ерохин, – чего с ним, с дураком, долго шлындать. Одна нога здесь, другая там.

– Никакой он ни дурак. Тебе бы тоже закодироваться не мешало.

Только приятели вышли на лестничную клетку, как Ероха сразу схватился за телефон.

– Сапрыка, к барьеру. Мы на третьем этаже.

Леня встревожился, и было от чего. Когда на горизонте появлялся их одноклассник Леха Сапрыкин, приключения начинали сыпаться на задницы присутствующих незамедлительно. Приятели жили в одном подъезде: Сапрыка на девятом этаже, Ероха на третьем, и через пару минут дверцы лифта растворились. Оттуда показался сияющий Леха с бутылкой коньяка в одной руке и пивной кружкой в другой, в зубах у него была зажата роза. Он уронил розу в кружку и рявкнул на весь подъезд:

– Ероша, ювелирный был закрыт, и я купил тебе кружку!

– Тебя-то почему не пригласили? – задал Леня неуместный вопрос.

– Обыватели, – отмахнулся Сапрыка, – подумаешь, уснул в туалете. Кто трижды не был пьян, тот не гусар.

– Давай, Леня, накати, – Серега в очередной раз попытался уломать Куприянова, – сколько той жизни?

– Отлезь.

– Черт с тобой. Нам же больше достанется. – Приятели уселись на ступеньки, стали пить коньяк из пивной кружки и занюхивать розой по очереди.

– Вы бы хоть закусывали, черти, – забеспокоился Куприянов, – сейчас вас дугой накроет.

– «Курятиной» закусим, – рассмеялся Сапрыка, доставая пачку сигарет.

Они закурили, и Леня мог с точностью до секунды сказать, когда его вполне приличные друзья превратились в полных ублюдков. Еще бы, литр коньяка они уговорили за десять минут без всякой закуски, не считая розы и «курятины». Путь к железнодорожной платформе сразу стал тернист и извилист. Парочка пьяных в умат провожающих передвигалась исключительно от одного ларька до другого. Там они брали по пиву, лакали его и искали, где бы отлить. Леня брел следом и проклинал все на свете.

– Отпустите меня, – ныл Куприянов.

– Офигел? – возражал Сапрыка. – Пойми, Куприянчик, мы несем за тебя ответственность. Но ты не бойся, мы тебя не бросим.

– Лучше бы уж бросили, – бормотал себе под нос Леня, – вон какая-то электричка. Не моя?

– Нет, не твоя, – успокоил Ероха.

Друзья сразу сбавили темп и остановились у очередного ларька. Только стали брать пиво, как увидели другую электричку, спешащую вслед за первой.

– А вот эта уже твоя, – удовлетворенно заметил Сапрыка, – последняя. Следующая в пять утра. И до этого срока никуда ты от нас не денешься.

– Не трюнди, – не поверил Куприянов.

Но действительно это была последняя электричка на Москву.

– Я же тебе говорил, что последняя, – торжествовал Сапрыка, – следующая будет в пять утра.

– Надо еще пивком лакировать, – задумчиво протянул Ероха, – тут рядом есть знатный пивняк.

– Хватит вам уже, – призвал к умеренности Леня.

– Ты прям как моя жена, – изумился Сапрыка, – еще скажи, что я по пьяни одно и то же по сто раз повторяю.

Леня напряженно молчал, мысленно проклиная своих задутых одноклассников, их дни рождения и все последние электрички вместе взятые. «Неужели я такой же, когда выпью, – холодея, думал Куприянов, – нет, не может быть». – «Такой же, такой же, – проснулся внутренний голос, – если не хуже». – «Не может быть», – воспротивился Леня. «Может, может. Бедная твоя жена. Напомнить пару эпизодов?» – «Не надо», – смутился Леня. «То-то». Сапрыкин и Ерохин бодро топали в направлении неведомого пивняка, а Леня семенил за ними, тревожно оглядываясь вокруг. А кругом бушевала жизнь «насекомых». Вся окрестная гопота дружно подтягивалась к питейному заведению. Три деклассированных элемента неопределенного возраста уламывали двух молоденьких лохушек в сарафанах и вьетнамках. Те загребали пыль давно немытыми ногами, скалили щербатые рты и были в принципе не против.

– Люди делятся на дураков и умных, но дураки делятся быстрее, – злобно ляпнул Куприянов, но сразу же заткнулся. Устраивать гладиаторские бои с местной шпаной, пожалуй, не стоило.

Никто не обратил внимания на Ленину тираду, все тянулись к пивняку, как подсолнухи к солнцу. Перед стойкой Куприянов в сотый раз объяснил одноклассникам, что он в завязке, потом помог дотащить до столика шесть бутылок пива.

– А вам не много?

– Нормально, – загоготал Сапрыка, – времени до фига. Следующая электричка будет в пять утра.

– Заколебал уже, – скривился Леня, – у тебя что, заело?

– Расслабься, Куприяша, – ухмыльнулся Ероха, – ты теперь с нами в одной подводной лодке. Нравится, не нравится, а деваться тебе некуда.

С соседнего столика раздался тревожный стук. Какой-то пьянчуга долбил мобильным телефоном по столику, как будто забивал туда гвозди.

– Я не брал кредит! Вы верите мне?! – со слезой в голосе заблажил потасканный, одутловатый брюнет. – Я считал вас друзьями, а вы – козлы!

– Мы верим тебе, – две пьяные хари попытались успокоить горлопана, – верим.

– Я верну долг, а потом порву вас на английский флаг! – прорыдал брюнет и снова принялся лупить телефоном по столику. – Гадом буду, порву!

Телефон, не выдержав эксплуатации в режиме отбойного молотка, раскололся на несколько частей. Брюнет с удивлением уставился на пластмассовые осколки.

– Вот ложкомойники! Бракованный телефон подсунули! Поеду, подожгу их на хрен!

Он вскочил, уронил стул и, грозно матерясь, устремился к машине. Разбитая вдрызг «восьмерка» взвизгнула за окном, как кошка, которой отдавили лапу, и рванулась восстанавливать справедливость. Куприянов огляделся – обычная привокзальная тошнिलовка, где ночью собираются только свои. Сапрыка сосал пиво как насос и с жаром рассказывал, как он отважно грубит начальству, а Ероха уставился в пространство отсутствующим взглядом. Это-то и не понравилось местной гопоте.

– Ты почему на меня так смотришь? – начал быковать здоровый пузатый парень в тельняшке с обрезанными рукавами.

– Он не на тебя смотрит, – попытался образумить его Куприянов, – а он глядит в пространство.

– Нет, – покачал головой пузатый, – он на меня вылупился. Наверное, в дыню хочет.

Сапрыка сразу протрезвел и заканючил:

– Да ладно, командир, все нормально. Мы же местные, ты чего, офигел?

– Я гей? – оstonбенел пузатый. – Посмотрите на него, он еще и обзывается.

Завсегдатаи пивного зала с осуждением посмотрели на распоясавшихся чужаков, некоторые посетители начали даже поднимать стулья и заносить над головой. «Блин. Щас как заедут стулом по башке. – Спину Куприянова прибило изморозью, и мысли замельтешили как дрозды. – Это только в фильмах про ковбоев головы крепче стульев. А в жизни, вероятно, все наоборот». Из ряда возмущенных выделился юркий жиганчик, дерганый и приклатненный, весь такой на шарнирах.

– Вы слышали? – призвал всех в свидетели чувачок на шарнирах. – Он его пидором обозвал.

– Да не обзывал я, – заскулил дрожащим голосом Сапрыка, – просто мы товарища провожали и немного припоздали.

– Я падла? – выкатил глаза пацанчик на шарнирах. – И это говорится на нашем районе?

Толпа угрожающе двинулась на трех залетных отморожков. Еще секунда, и они навсегда прикусят свои длинные языки. Куприянов и Сапрыкин отступили к стене, Ерохин продолжал безмятежно сидеть и пялиться в никуда.

– Васька, все матери расскажу, – из-за стойки вышла пожилая уборщица и преградила дорогу жигану.

Василий сразу сбавил прыть, остальные тоже замешкались.

– Сколько можно шаболдыжничать? – наехала уборщица на притихшего задиру. – Сколько можно хархурами трясти, когда же ты, супостат, на работу устроишься?

– Теть Насть, клянусь, обязательно устроюсь, – торжественно пообещал Васек, – ты же знаешь, я после армии. Еще не нагулялся.

– Ты пять лет после армии, долдон, – напомнила ему тетя Настя, – совесть нужно иметь.

Леха с Леной, подхватив безучастного Серегу, дунули на выход. Последнее, что они услышали, было:

– Теть Насть, ты только матери ничего не говори. Ладно?

Отойдя двести метров от опасного заведения, Сапрыка раздухарился, стал размахивать подарочной кружкой и орать:

– Главное, кружка так хорошо в руку ложится! Надо было ломануть ему промеж ушей! Кровищи бы с него натекло, что со свиньи!

– Чего же тогда не ломанул? – ехидно поинтересовался Куприянов, а про себя подумал: «Дурак я, дурак, спал бы сейчас под бочком у жены. Я-то что здесь делаю?»

– Пойду за сигаретами схожу. А вы пока на платформу шуруйте, там скамеек много. – Сапрыкина смыли летние сумерки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.